

ХРОНИКА НАУЧНОЙ ЖИЗНИ АКАДЕМИИ ЗА 2004/2005 УЧЕБНЫЙ ГОД

ИЗ ЖУРНАЛА ЗАСЕДАНИЙ
СОВЕТА МДАИС ОТ 29 ДЕКАБРЯ 2004 ГОДА

Слушали:

Сообщение секретаря Совета иерея Павла Великанова о состоявшихся 8 ноября защитах кандидатских диссертаций и дипломных работ выпускников Семинарии и Академии.

Защитили диссертацию на соискание ученой степени кандидата богословия выпускники дневного отделения Академии:

1. Леонтий (Козлов), иеромонах, выпускник Академии 2003 г. (по кафедре Богословия на тему: «Труды преподобного Никодима Святогорца в освещении современной патрологической науки»).

2. Гайдаренко Павел, выпускник Академии 2003 г. (по кафедре Филологии на тему: «Протоиерей Александр Горский как исследователь славяно-русской книжности и литературы»).

Защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата богословия выпускник дневного отделения Академии стипендиат Армянской Апостольской Церкви иеромонах Гевонд (Оганесян) (по кафедре Богословия на тему: «Нравственное учение святого Армянской Апостольской Церкви Григория Татеваци (XIV—XV вв.)»).

Защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата богословия выпускник заочного отделения 2002/2003 уч. г. иерей Димитрий Кирьянов (по кафедре Богословия на тему: «Основные черты учения неотомистов как главенствующей системы католического богословия»).

Защитил дипломную работу выпускник заочного отделения Академии 1996/1997 уч. г. игумен Михаил (Борей) (по кафедре Церковно-практических дисциплин на тему: «Храм прп. Иоанна Лествичника Московской духовной семинарии: история, архитектура, святыни (опыт церковно-археологического исследования)»).

Успешно защитил дипломную работу выпускник Семинарии 2003 г.: Виноградов Алексей (по кафедре Церковной истории на тему: «"Житие протопопа Аввакума" как исторический источник»).

Постановили: Сообщение принять к сведению.

Зачислить выпускника Семинарии 2003 г. Виноградова Алексея на отделение Церковной истории вне конкурса.

ИЗ ЖУРНАЛА ЗАСЕДАНИЙ
СОВЕТА МДАИС ОТ 7 ИЮНЯ 2005 ГОДА

Слушали:

Сообщение секретаря Совета иерея Павла Великанова о проходившей 11 мая и 3 июня защите кандидатских диссертаций и дипломных работ выпускниками Академии, а также дипломных работ выпускниками Семинарии.

Успешно защитил диссертацию по соисканию ученой степени кандидата богословия преподаватель Московской духовной академии Грезин Петр Кузьмич (по кафедре Богословия на тему: «Опыт краткого догматического лексикона святоотеческого богословия»).

Защитили диссертации на соискание ученой степени кандидата богословия выпускники очного отделения 2004/2005 уч. г.:

1. Белецкий Алексей, чтец (по кафедре Богословия на тему: «Религиозно-философские взгляды профессора Московской духовной академии И. В. Попова»).

2. Гелеван Василий, иерей (по кафедре Богословия на тему: «Жизненный путь и научное наследие профессора Духовной академии М. А. Старокадомского»).

3. Гелич Афанасий, иеродиакон (по кафедре Церковно-практических дисциплин на тему: «Педагогическое значение учения святых отцов о борьбе со страстью гордости»).

4. Гусар Владислав, иерей (по кафедре Церковно-практических дисциплин на тему: «Организация миссионерско-просветительской деятельности в епархии»).

5. Жуков Сергей, чтец (по кафедре Библистики на тему: «Библейские исследования блаженного Иеронима Стридонского в творении "Еврейские вопросы на книгу Бытия"»).

6. Илюточкин Кирилл, чтец (по кафедре Филологии на тему: «Корпус Дидима Слепца как памятник церковной письменности IV века»).

7. Кочуров Илья, иерей (по кафедре Богословия на тему: «Религиозно-философские взгляды А. И. Введенского, профессора Императорского университета в Петербурге»).

8. Курнасов Александр, иерей (по кафедре Церковной истории на тему: «История Свято-Успенской Вышенской пустыни»).

9. Лабынько Евгений, чтец (по кафедре Филологии на тему: «Художественные особенности седмичных молитв святителя Кирилла Турского в контексте евхологической традиции»).

10. Мартысевич Василий, чтец (по кафедре Церковно-практических дисциплин на тему: «Проповедничество святителя Георгия (Конисского), архиепископа Могилевского»).

11. Монич Александр, чтец (по кафедре Богословия на тему: «Жизнь и деятельность епископа Адальберта (Войтеха) Пражского»).

12. Мохов Андрей (экст.) (по кафедре Церковной истории на тему: «Монастыри и монашество в Уфимской земле (1799—1917)»).

13. Никодим (Павлинчук), иеродиакон (по кафедре Церковной истории на тему: «Монашество и монастыри Кишиневско-

Молдавской епархии в XX веке»).

14. Попов Александр, чтец (по кафедре Церковно-практических дисциплин на тему: «Успенский Бахчисарайский монастырь: история, архитектура, святыни»).

15. Шаповалов Юрий, иерей (по кафедре Филологии на тему: «Житие преподобного Антония Сийского. Идеино-художественное своеобразие произведения в редакции царевича Иоанна»).

16. Шурыгин Артем, чтец (по кафедре Церковно-практических дисциплин на тему: «Внешнее и внутреннее устройство общеобразовательного православного учебного заведения (на примере православной гимназии имени преподобного Сергия Радонежского, г. Сергиев Посад)»).

Защитили кандидатские диссертации выпускники Академии 2004/2005 уч. г. и выпускники прошлых лет по сектору заочного обучения:

1. Алексеев Андрей, диакон (по кафедре Богословия на тему: «Причины религиозного кризиса русского общества конца XIX — начала XX века»).

2. Аржаев Иоанн (по кафедре Богословия на тему: «Деятельная жизнь по святым отцам “Добротолюбия”»).

3. Бурцев Алексей, иерей (по кафедре Богословия на тему: «Эпистолярное наследие святителя Феофана Затворника»).

4. Егоров Михаил, иерей (по кафедре Богословия на тему: «Сотрудничество Русской Православной Церкви с пенитенциарной системой и особенности ее реализации в современных условиях»).

5. Крылов Георгий, иерей (по кафедре Церковно-практических дисциплин на тему: «Историко-литургический анализ печатных богослужебных Миней XVII в.»).

6. Лабутин Вениамин, игумен (по кафедре Церковно-практических дисциплин на тему: «Пастырство в Русской Православной Церкви в XVII веке»).

7. Морозов Евгений, иерей (по кафедре Церковно-практических

дисциплин на тему: «Монастыри Томской епархии: история, архитектура, святыни»).

8. Паничкин Александр, протоиерей (по кафедре Церковной истории на тему: «История Санкт-Петербургской епархии до 1775 г.»).

9. Радаев Сергей, иерей (по кафедре Богословия на тему: «Разбор книги Ф. Мельникова “Блуждающее богословие”»).

10. Халюта Сергей, протоиерей (по кафедре Церковно-практических дисциплин на тему: «Пещерные церкви и монастыри древней Тавриды VI—XVI вв.»).

Успешно защитили диссертации на соискание ученой степени кандидата богословия выпускники Академии прошлых лет по очному отделению:

1. Исаия Киккотис, архимандрит (Георгакис Спиридон), выпускник Академии 1997 г., клирик Кипрской Православной Церкви (по кафедре Богословия на тему: «История коливадских споров на Афоне и их богословское содержание»).

2. Савва (Тутунов), монах, выпускник Академии 1997 г., клирик Евкарпийской епархии Вселенского Патриархата (по кафедре Церковно-практических дисциплин на тему: «Труды Поместного Собора 1917—1918 гг. по реформе епархиального управления и предсоборная о ней дискуссия»).

3. Цербаков Александр, выпускник Академии 2002 г. (по кафедре Церковной истории на тему: «Митрополит Мануил и его борьба с обновленчеством»).

4. Димитрий (Фокин), инок, выпускник Академии 2004 г. (по кафедре Богословия на тему: «Святоотеческое учение о терпении (по “Добротолюбию”)»).

Успешно защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата богословия выпускник Академии, клирик Грузинской Православной Церкви Канделаки Манучар (по кафедре Церковной истории на тему: «Святой Царь Давид Строитель и его церковная деятельность»).

Успешно защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата богословия выпускник Академии, стажер Волгоградского православного университета Патрин Вячеслав (по кафедре Богословия на тему: «История практики молитвы Иисусовой (Обзор историографии. Начальный период существования практики (IV—VI вв.) и ее историческое развитие до XIV в.)»).

Успешно защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата богословия профессорский стипендиат, клирик Болгарской Православной Церкви Шавулев Георгий (по кафедре Богословия на тему: «Константин Леонтьев как мыслитель в контексте православной традиции»).

Защитили дипломные работы выпускники Академии, клирики Сербской Православной Церкви:

1. Максимович Иован (по кафедре Церковной истории на тему: «Святитель Василий Острожский и роль основанного им Острожского монастыря в жизни сербского народа»).

2. Максимович Синеша, свящ. (по кафедре Церковной истории на тему: «Св. Николай Велимирович и его духовное наследие»).

3. Мичич Слободан (по кафедре Церковной истории на тему: «Сербские новомученики свт. Платон, епископ Банялукский, и свт. Петр, митрополит Дабробоснийский»).

4. Савич Сладжан (по кафедре Церковной истории на тему: «Черногорско-российские церковные связи в XIX веке»).

Защитили дипломные работы выпускники Академии прошлых лет по сектору заочного обучения:

1. Мороко Иоанн, протоиерей (по кафедре Богословия на тему: «Вопросы личной, семейной и общественной нравственности»).

2. Мухин Владимир, протоиерей (по кафедре Церковной истории на тему: «История закрытия храмов г. Казани в период с 1918 по 1940 г.»).

3. Петров Ростислав, иерей (по кафедре Церковной истории

на тему: «Митрополит Филофей (Лецинский), просветитель Западной Сибири»).

4. Прокопчук Сергей, диакон (по кафедре Церковно-практических дисциплин на тему: «Военно-патриотические клубы как одно из направлений миссионерской работы среди молодежи»).

5. Флоринский Николай, протоиерей (по кафедре Церковной истории на тему: «Жизнь и деятельность митрополита Гавриила Банулеску-Бодони»).

6. (Швырков) Сергей, игумен (по кафедре Церковной истории на тему: «Тверские церковно-приходские школы в конце XIX — начале XX века (1890—1917)»).

Защитили дипломные работы выпускники очного отделения Семинарии:

1. Богданов Роман, чтец (по кафедре Церковной истории на тему: «Архиерейский Собор 1961 года»).

2. Власов Илья, диакон (по кафедре Филологии на тему: «Перевод 11-й книги “Моралии на Иова” святителя Григория Двоеслова»).

3. Галушко Павел, чтец (по кафедре Богословия на тему: «Основные методы ведения апологетической дискуссии в Интернет-пространстве»).

4. Горват Александр, иерей (по кафедре Библистики на тему: «Грехопадение (экзегетический анализ третьей главы книги Бытия)»).

5. Дикий Иван, диакон (по кафедре Библистики на тему: «Новозаветная экзегеза в трудах епископа Кассиана (Безобразова) (по Четвероевангелию)»).

6. Звонарев Сергей, чтец (по кафедре Церковной истории на тему: «Органы высшей церковной власти и управления Русской Православной Церкви в период с 1945 по 2000 г.»).

7. Игнатъев Антон, иерей (по кафедре Церковной истории на тему: «Старое кладбище г. Сергиева Посада. Церковный некрополь»).

8. Игумнов Антон, чтец (по кафедре Богословия на тему: «Учение Феодора Абу Курры, епископа Харрана, о свободе воли в свете святоотеческого предания»).

9. Карпенко Михаил, чтец (по кафедре Библистики на тему: «Экзегетический анализ второй главы книги Бытия»).

10. Касаткин Петр, чтец (по кафедре Церковной истории на тему: «Встреча советских руководителей с тремя митрополитами в 1943 году»).

11. Каушанский Дмитрий, чтец (по кафедре Церковной истории на тему: «Неудачные попытки защиты докторской диссертации историка Н. Ф. Каптерева»).

12. Кожухов Сергей, чтец (по кафедре Богословия на тему: «Учение о человеке св. Василия Великого на основании перевода текстов двух гомилий “Об устройении человека”»).

13. Козлитин Сергей, чтец (по кафедре Богословия на тему: «Эсхатология адвентистов седьмого дня»).

14. Комаров Дмитрий, диакон (по кафедре Церковной истории на тему: «История Парижского богословского института преподобного Сергия в связи с современной православной богословской литературой на французском языке»).

15. Корневич Владимир, чтец (по кафедре Филологии на тему: «Перевод 7-й книги “Моралии на Иова” святителя Григория Великого, папы Римского»).

16. Максимец Павел, чтец (по кафедре Библистики на тему: «Учение о Боге в книге Бытия»).

17. Мельниченко Александр, чтец (по кафедре Церковной истории на тему: «Русская Православная Церковь и Рим в домонгольский период»).

18. Мурзич Павел, иерей (по кафедре Богословия на тему: «Новое Поколение: история, вероучение, религиозная практика»).

19. Николаев Петр, чтец (по кафедре Богословия на тему: «Догматическое учение о Божией Матери по текстам воскресных служб Октоиха, атрибутируемых прп. Иоанну Дамаскину»).

20. Александр (Подшибякин), иеродиакон (по кафедре

Богословия на тему: «Вопросы веры и нравственности в трудах святителя Макария (Невского), митрополита Московского»).

21. Попрыгин Илья, чтец (по кафедре Филологии на тему: «Перевод учебника по Новому Завету “Pro seminar II”»).

22. Резниченко Александр, чтец (по кафедре Церковной истории на тему: «Тмутараканское княжество Киевской Руси X—XII вв.»).

23. Родченко Владимир, чтец (по кафедре Богословия на тему: «Священник Павел Флоренский и его понимание любви как религиозно-философской категории»).

24. Саврицкий Андрей, чтец (по кафедре Филологии на тему: «История празднования памяти преподобного Сергия Радонежского по рукописным уставам Троице-Сергиевого монастыря XV—XVII веков»).

25. Санников Олег, иерей (по кафедре Богословия на тему: «Учение святого Григория Нисского о творении мира (по сочинению “О Шестодневе”)»).

26. Сафронов Сергей, чтец (по кафедре Церковной истории на тему: «История учреждения патриаршества в Румынской Православной Церкви в 1925 году»).

27. Семенов Никита, чтец (по кафедре Церковной истории на тему: «История Русской Духовной Миссии в Иерусалиме»).

28. Сериков Дмитрий, чтец (по кафедре Богословия на тему: «Тема свободы в творчестве Н. А. Бердяева»).

29. Скидаленко Дмитрий, иерей (по кафедре Церковно-практических дисциплин на тему: «Протопресвитер Георгий Шавельский и его учение о пастырском служении»).

30. Скорик Александр, диакон (по кафедре Богословия на тему: «Нравственно-богословские воззрения святителя Иоанна Тобольского»).

31. Сташкевич Дмитрий, чтец (по кафедре Церковно-практических дисциплин на тему: «Миссионерская деятельность Российской Православной Церкви в Деяниях Поместного Собора 1917—1918 гг.»).

32. Сулин Сергей, чтец (по кафедре Филологии на тему: «Перевод трактата святителя Кирилла Александрийского “Против антропоморфитов”»).

33. Тихонов Михаил, чтец (по кафедре Филологии на тему: «Перевод книги “Об Иакове и блаженной жизни” (De Jakob et de beata vita) святителя Амвросия Медиоланского»).

34. Тихонов Павел, иерей (по кафедре Церковной истории на тему: «Житие и исповеднический подвиг святителя Агафангела, митрополита Ярославского»).

35. Уйбоайд Михаил, чтец (по кафедре Церковно-практических дисциплин на тему: «Архимандрит Антоний (Амфитеатров) и его труды по пастырскому богословию»).

36. Ульянов Сергей, чтец (по кафедре Филологии на тему: «Перевод 6-й книги “Моралии на Иова” святителя Григория Великого, папы Римского»).

37. Федяев Константин, иерей (по кафедре Библистики на тему: «Псалтирь в русской библистике»).

38. Ханов Максим, чтец (по кафедре Церковно-практических дисциплин на тему: «Первоначальный богослужебный Устав на Руси»).

39. Чусов Михаил, чтец (по кафедре Филологии на тему: «Перевод 5-й книги “Моралии на Иова” святителя Григория Великого, папы Римского»).

40. Шатохин Виталий, чтец (по кафедре Богословия на тему: «Влияние святых Кирилла Александрийского и Феодорита Кирского на формирование халкидонской христологии»).

41. Щудро Николай, чтец (по кафедре Богословия на тему: «Учение о богоподобии человека в патристической этике»).

42. Юлаев Константин, чтец (по кафедре Филологии на тему: «Перевод творения свт. Кирилла Александрийского “О воплощении Единородного”»).

43. Ялов Евгений, чтец (по кафедре Богословия на тему: «Перевод “О блаженных патриархах” свт. Амвросия, еп. Медиоланского»).

Защитили дипломные работы выпускники Семинарии по экстернату:

1. Бабичев Александр, чтец (по кафедре Церковно-практических дисциплин на тему: «Миссионерская деятельность святителя Николая (Касаткина) в Японии»).

2. Бахтин Максим (по кафедре Богословия на тему: «Богословское осмысление моделей государственного и общественного устройства»).

3. Суворов Алексей, чтец (по кафедре Церковно-практических дисциплин на тему: «Проблемы церковного брачного права, обусловленные параллельным существованием гражданского брачного права»).

4. Черняев Константин (по кафедре Богословия на тему: «Апологетика Православия в Интернет-пространстве: история, статистика, тенденции, перспективы»).

Защитили дипломные работы выпускники Семинарии 2003/2004 уч. г.:

1. Павленко Юрий, чтец (по кафедре Церковно-практических дисциплин на тему: «Жизнь и труды канониста С. В. Троицкого»).

2. Щербина Михаил, иерей (по кафедре Церковно-практических дисциплин на тему: «Миссионерские съезды Русской Православной Церкви в XIX—XX вв.»).

Защитил дипломную работу выпускник Семинарии по экстернату 2003/2004 уч. г. Кирюхин Сергей, чтец (по кафедре Богословия на тему: «Оценка проблемы женского священства по материалам православно-старокатолического диалога»).

Не защитили кандидатские диссертации по очному отделению:

1. Свящ. Сергей Ишков (по кафедре Церковно-практических дисциплин на тему: «Социальное служение Русской Православной Церкви как направление миссионерской деятельности»).

2. Инок Димитрий Урусов (по кафедре Филологии на тему: «Лирика молитв в литературе XIX века»).

Всего было успешно защищено 38 кандидатских диссертаций, 12 дипломных работ в Академии и 50 дипломных работ в Семинарии. Были рекомендованы к публикации 5 кандидатских диссертации — монаха Саввы Тутунова, священника Евгения Морозова, диакона Сергея Прокопчука, священника Георгия Шаповалова, священника Илии Кочурова, а также дипломные работы студентов из Сербской Православной Церкви священника Синеша Максимовича и Слободана Мичича.

С глубоким удовлетворением Совет отметил постоянный и заметный рост научного уровня защищаемых кандидатских диссертаций и дипломных работ.

ОТЗЫВЫ РЕЦЕНЗЕНТОВ НА КАНДИДАТСКИЕ
ДИССЕРТАЦИИ ВЫПУСКНИКОВ АКАДЕМИИ (№ 1—16) И
НА ДИПЛОМНЫЕ РАБОТЫ ВЫПУСКНИКОВ
СЕМИНАРИИ (№ 17—28)

1.1. ОТЗЫВ преподавателя протоиерея Леонида ГРИЛИХЕСА на кандидатскую диссертацию выпускника Московской духовной академии Сергея ЖУКОВА по кафедре Библистики на тему: «Библейские исследования блаженного Иеронима Стридонского в творении “Еврейские вопросы на книгу Бытия”»

Представленная диссертация, объемом 213 страниц, содержит латинский текст и русский перевод творения блж. Иеронима Стридонского «Еврейские вопросы на книгу Бытия» (стр. 143—213) и предваряющее его исследование.

Произведение блж. Иеронима «Еврейские вопросы на книгу Бытия» занимает особое место не только в ряду святоотеческой литературы, но и среди работ самого блж. Иеронима. Задуманная им серия «Еврейских вопросов» на каждую из библейских книг осталась не осуществленной и ограничивается лишь единственным первым томом. Но и он предоставляет нам удивительную возможность заглянуть в творческую лабораторию создателя Вульгаты, где блж. Иероним предстает как лингвист, филолог, текстолог, эзегет.

Если учесть, что автор «Еврейских вопросов» уделяет также внимание библейской археологии, истории, географии, хронологии, обнаруживает знакомство не только с христианской, но и с раввинистической традицией, выступает с апологетическими рассуждениями против различных ересей и т. п., то остается лишь удивляться, почему столь важное и уникальное произведение ученого отца до сих пор не было переведено на русский язык. Полагаю, что причина во многом заключается в сложности текста и затрагиваемой в ней проблематики. Латинский текст «Еврейских вопросов...» изобилует греческими, еврейскими и арамейскими фразами и словами, и для того, чтобы понять и адекватно раскрыть содержательную сторону произведения, необходимо хорошее знание библейской текстологии, христианских и раввинистических источников, богословских споров того времени.

Несмотря на все перечисленные затруднения, диссертант мастерски справился с поставленной перед ним задачей и сделал прекрасный, внятный перевод, который свидетельствует не только о высокой языковой подготовке (владении классическими и семитскими языками, а также, что немаловажно, и русским), но и об определенной эрудиции в области библейских и богословских дисциплин.

Последнее особенно заметно в основной, исследовательской части, предваряющей перевод. Она снабжена оглавлением, списком сокращений, именованным указателем, тематической библиографией и состоит из введения, собственно исследования и заключения.

Вступление содержит необходимые, стандартные для подобных работ пункты: жанр, цель написания и т. д. Здесь же разбираются современные исследования, познакомиться с которыми автор диссертации смог благодаря работе в немецких библиотеках летом 2004 г.

В основной части дается подробная типологизация всего спектра интересов блж. Иеронима в области библистики. На конкретных примерах, взятых из «Еврейских вопросов на книгу Бытия» и сгруппированных по пяти главам и множеству подглав, выявляются методы, подходы, инструментарий, источники, приоритеты и симпатии блж. Иеронима. Особый интерес вызывают следующие раз-

делы: глава 1, § 3, в которой диссертант прослеживает зависимость некоторых герменевтических принципов святоотеческой экзегезы от положений, разработанных александрийскими грамматиками; глава 4, § 2, в которой, анализируя замечания блж. Иеронима (на Быт. 1, 1), диссертант предлагает обзор толкований на первое слово Библии; глава 5, в которой рассматриваются комментарии богословского содержания; ряд других мест. В результате своей работы С. Жуков приходит к выводу, что блж. Иероним не только во многом предвосхитил задачи, которые были поставлены библеистикой Нового времени, но и методы их решения.

Похвально, что в заключительной части своей работы автор выходит за рамки научного анализа и пытается дать ответ на более общий вопрос: как соотносятся научные штудии с личным благочестием.

Многолетние споры и напряженное обсуждение учебной программы духовных школ показали, что вопрос этот нисколько не потерял своей актуальности и постоянно оказывается в самом центре внимания. Указывая на то, что составитель «Еврейских вопросов на книгу Бытия», сочинения, посвященного в первую очередь филологии и текстологии, почитается Церковью в лике святых, соискатель ученой степени замечает следующее. «Вопрос же о том, какую духовную пользу она (т. е. научная библеистика) приносит тому, кто уделяет большое внимание ее «схоластической» составляющей, упирается в предмет личного благочестия самого ученого. Так, для блж. Иеронима изучение еврейского языка являлось частью аскетического подвига, средством укрощения «ума, разжигающегося помыслами», «греховных возбуждений», «страстности природы». Данный опыт свидетельствует о том, что духовная польза от чего-либо определяется нравственными установками, и в зависимости от них многие виды деятельности, даже если они не связаны напрямую с главной — сотериологической... могут послужить христианину во благо».

Можно отметить также и ряд недочетов, в основном, в оформлении работы. Так, раздел, посвященный разбору современных

исследований, следовало бы выделить в отдельный параграф. В настоящей работе этот раздел оказался в параграфе, озаглавленном «постановка задачи исследования». В главе 1, § 1,1 все примеры имеют особую буквенную индексацию, которая отсутствует в последующих главах. На стр. 12 можно видеть, что одно и то же слово «вопросы» выделяется то при помощи кавычек, то курсивом.

Однако, при всем этом, не вызывает сомнения, что данная работа может рассматриваться в качестве образцовой и заслуживает самой высокой оценки — «отлично».

1.2. ОТЗЫВ преподавателя иеромонаха ДИОНИСИЯ (Шленова) на кандидатскую диссертацию выпускника Московской духовной академии Сергея ЖУКОВА по кафедре Библеистики на тему «Библейские исследования блж. Иеронима Стридонского в творении “Еврейские вопросы на книгу Бытия”»

Кандидатская диссертация Жукова Сергея посвящена экзегетическим принципам блж. Иеронима, одного из крупнейших представителей западной экзегетики. Работа актуальна для русской библеистики и патрологии, автор достаточно успешно справился с главной идеей своего труда — показать, что блж. Иероним стоит у истоков современных научных методов в изучении текста Священного Писания. Он отталкивается от образцового в данном отношении сочинения блж. Иеронима «Еврейские вопросы на книгу Бытия» (QHГ — Liber Quaestionum Hebraicarum in Genesim), филологическо-богословский анализ которого позволяет выявить самые разные грани творческого подхода Иеронима.

Диссертация состоит из введения, основной части (в 5-ти главах), заключения, указателя и библиографии. В приложении дан русский перевод с параллельным латинским текстом. Общий объем диссертации 213 страниц, или, точнее, 13 авторских листов.

Во введении автор формулирует задачи и цель исследования — «дать более подробное и систематическое описание библейских исследований» блж. Иеронима (с. 10), определяет его жанр

как серьезное научное исследование или схолии. Далее он излагает научные гипотезы о создании данного сочинения и сообщает ряд технических вспомогательных сведений. Основная часть насыщена ценнейшими сведениями из области еврейской филологии, археологии и т. д.

Оценивая работу, можно сказать, что она и формально, и композиционно выполнена на высоком уровне. Автор пишет изысканным стилем, логично и последовательно. Методология, избранная автором, отвечает целям серьезного научного исследования. Его работа — удачный опыт построения достаточно сложного научного комментария в форме монографии. Для написания данной работы ему пришлось читать, как минимум, на трех древних языках (не считая русского и славянского). Автор убедительно выявляет экзегетические принципы Иеронима. Перевод трактата Иеронима является ценнейшим вкладом в сокровищницу святоотеческих переводов на русском языке.

Вместе с тем можно высказать и некоторые пожелания.

1. Иногда не совсем понятна степень оригинальности автора в постановке и решении тех или иных научных проблем. Следовало бы яснее очертить сферу своих собственных задач. Аргументы западных ученых, кратко перечисленные во вступлении, нужно было бы еще и оценить, и в свете сделанных выводов наметить перспективы и дальнейшие задачи. Так, после ознакомления со статистическими данными Hayward'a (с. 16), согласно которым Иероним в QHG в определенных случаях цитировал перевод Семидесяти толковников, можно озадачить себя следующим вопросом — почему блж. Иероним обратился к греческому тексту LXX именно в данном случае?

2. Автор мог бы более подробно проследить предшествующую экзегетическую традицию как западную, так и восточную. Он приводит в списке источников ряд имен (не указав в примечаниях примеры тех мест, на которые ссылается Иероним), но этого самого по себе не достаточно. С. Жуков должен был бы выявить предшествующую традицию более детально, посвятив ей отдельный раздел. Особое место в этой традиции занимают «Гекзаплы» Оригена и эк-

зегетические сочинения Евсевия Кесарийского. Как известно, сочинения Евсевия Кесарийского «Хроникон» и «По местностям» сохранились именно в переводе Иеронима. Неужели влияние Евсевия не коснулось и QHG?

3. В связи с двумя предшествующими пунктами было бы целесообразным уделить особое внимание полемике блж. Иеронима с блж. Августином. Не связан ли именно с этой полемикой тот факт, что Иероним в некоторых случаях предпочел тексту Вульгаты греческий текст Септуагинты?

4. Автор комментирует QHG, не полностью учитывая корпус тематически близких сочинений или переводов самого Иеронима. Это — еще один новый ракурс для дальнейшего исследования.

5. Замечания по поводу перевода:

При подготовке русского перевода к изданию следовало бы учесть, хотя бы частично, критический аппарат новейшего западного издания (текст которого был справедливо отвергнут автором как уступающий тексту Ж.-П. Миня).

Также следовало бы установить все источники, причем не только явные (как, например, Квинтилиан — с. 144, Иосиф Флавий — с. 145, Тертуллиан — с. 146 и др.), но и скрытые. Это отдельная кропотливая работа, которую нужно было бы выполнить, опираясь на новейшее издание.

Не излишне было бы написать ряд дополнительных комментариев. Например, блж. Иероним пишет об «иноземных товарах», т. е. о высоких истинах аллегорического толкования, которые не могут достать трудные на подъем крестьяне (*rustici*) (Введение. С. 146). Нет ли здесь параллели (или полемики) со словами Антония Великого (по 20 гл. жития свт. Афанасия Александрийского): «Элины, чтобы обучиться словесным наукам, предпринимают далекие путешествия, переплывают моря, а нам нет нужды ходить далеко ради Царствия Небесного, или переплывать море ради добродетели»?

Несмотря на высказанные пожелания, диссертация С. Жукова заслуживает самой высокой оценки и может быть рекомендована

к публикации после соответствующей доработки. Для публикации необходимо было бы продумать краткую вступительную статью и разбить основной текст на ряд отдельных схолий, что еще более приблизит жанр современного комментатора, выпускника МДА, к научному «схолиастическому» жанру блж. Иеронима.

2.1. ОТЗЫВ доцента протоиерея Валентина АСМУСА на кандидатскую диссертацию преподавателя Московской духовной академии и семинарии П. К. ГРЕЗИНА по кафедре Богословия на тему: «Опыт краткого догматического лексикона святоотеческого богословия. Христология»

Диссертация П. К. Грезина — явление во всех отношениях выдающееся. Нестандартно большая по объему (210 страниц мелкого набора), она весьма интересна по замыслу и успешна по результатам. Автор дает подробное лексикографическое описание и философско-богословский анализ важнейших тринитарных и христологических терминов.

Работа подразделяется на две части. Первая объединяет основные термины: ипостась, лицо, природа, сущность, субстанция, подлежащее, энергия, индивид; они стали основой богословской терминологии уже в эпоху тринитарных споров и продолжали быть ее основой в эпоху споров христологических. Эта группа терминов разработана особенно тщательно и подробно. Сначала даются нетерминологические, обыденные значения слов, затем говорится об их значении в Ветхом Завете и у античных авторов, потом следуют значения, употребляющиеся в Новом Завете и в церковной литературе.

Часть вторая содержит 25 терминов более узкого, специально-богословского, производного характера: иногда это развернутые формулы (например, «одна природа Бога Слова воплощенная») или же отдельный термин, содержащий в себе целую концепцию (например, воипостасное). Порою это понятие, которым современное богословие выражает одну из истин христианской веры («единство субъекта»).

Работа требует медленного, вдумчивого чтения в сопоставлении со всеми многочисленными ее первоисточниками (а это, кроме греческой Библии, основные святыя отцы — догматисты I—III вв. и языческие философы). К сожалению, у меня не было возможности прочесть работу с такой доскональностью: я получил ее поздно, когда меня уже ждала гора других кандидатских и дипломных сочинений, но и поверхностного чтения вполне достаточно, чтобы дать работе самую высокую оценку и от души поздравить автора с большим успехом.

Конечно, есть и критические замечания, но все они имеют принципиальный, второстепенный характер. В работе по самому ее содержанию важное место занимают греческие термины и цитаты. Часто они даны небрежно. Не вызывает никаких возражений русская транслитерация греческих терминов. Но если уж автор решил давать термины греческим шрифтом, латинские транслитерации ни к чему, например, *hegemonikon*, *hegemonieuo*, *hegemon*, с. 108. Много опечаток в греческих текстах.

На с. 76 дан только один аналог русского «восприятие», в то время как это вовсе не единственный и далеко не самый употребительный термин. Слова и родственные не суть «дериваты» (с. 77) вышесказанных, происходя от другого корня.

Нельзя сказать, что полностью отсутствует «адекватное описание главнейших терминов» (с. 1): к сожалению, автору осталась недоступной классическая работа *Dörrie. Hypostasis. Wort — und Bedeutungsgeschichte. Göttingen, 1955.*

Карсавин и Поснов не были «связаны с Парижским институтом» (с. 6), поскольку первый работал в Ковно, а второй — в Софии.

Богословски весьма сомнительна формулировка: «Логос — единственный субъект телесной жизни Христа, Ему принадлежат духовные и нравственные побуждения, страдания и смерть» (с. 108).

На с. 124 автор подменяет заглавное понятие «неукоризненные страсти» другим понятием «природные страсти», и только на с. 129 всплывает греческий термин «неукоризненные страсти».

Давно доказано, что «Против Аполлинария» не принадлежит святому Афанасию (с. 144).

Современная наука, в том числе Грильмайер, на которого часто ссылается автор, не приписывает Юстиниану афтартодокетизма (с. 190).

Все эти и возможные иные замечания не влияют на общую оценку работы, которую со всей определенностью следует оценить как отличную и превосходную. П. К. Грезин достоин искомой степени.

2.2. ОТЗЫВ доцента иерея Владимира ШМАЛИЯ на кандидатскую диссертацию преподавателя Московской духовной академии и семинарии П. К. ГРЕЗИНА по кафедре Богословия на тему: «Опыт краткого догматического лексикона святоотеческого богословия. Христология»

Рецензируемая диссертация, как представляется, весьма интересна, но и небесспорна, по своему замыслу.

Спорным представляется ее артикулировано «терминографический» характер, то есть попытка построить догматический лексикон, воздерживаясь при этом от погружения в собственно содержательную, историко-догматическую стихию становления/чеканки богословских святоотеческих понятий.

Данный подход, как кажется, вызван какими-то внешними для автора обстоятельствами — вероятнее всего, необходимостью увязать характер работы с принадлежностью автора филологической кафедре.

При этом, автор, как представляется, не вполне удерживается в этих узких рамках, фактически пытаясь выбрать нечто среднее между собственно лексикографией и исследованием истории становления избранных им для описания богословских понятий.

Вызывает сожаление то, что автор, очевидно, намеренно воздерживается от самостоятельного анализа святоотеческих (а также контекстуальных) источников, в которых используется описываемые им термины христологического круга.

В своем труде автор анализирует по преимуществу вторичные источники. Эрудиция автора и объем проанализированных трудов впечатляют.

Невзирая на все эти замечания, данная диссертация, безусловно являющаяся результатом кропотливого труда, представляет собой солидное научно-реферативное исследование, и в этом качестве соответствует жанру академического кандидатского сочинения.

Данная работа, разумеется, заслуживает одобрения, а ее автор — получения искомой степени.

Хотелось бы от всего сердца пожелать автору на основании весьма основательного проведенного им научно-реферативного труда, итоги которого представлены в данной диссертации, провести в дальнейшем богословскую исследовательскую работу по изучению истории становления рассматриваемых им терминов на основе святоотеческих источников.

Такой труд, безусловно, будет весьма востребован и полезен для богословской науки.

3.1. ОТЗЫВ профессора А. И. СИДОРОВА на кандидатскую диссертацию стажера Московской духовной академии В. Г. ПАТРИНА по кафедре Богословия на тему: «История практики “Молитвы Иисусовой” (Обзор историографии. Начальный период существования практики и ее историческое развитие до XIV в.)»

В представленной работе рассматривается становление практики Иисусовой молитвы с IV до XIV в. После источниковедческого, историографического и терминологического введения диссертант рассматривает становление формулы указанной молитвы в памятниках аскетической письменности IV—XIV вв. Выводы автора в целом корректны и обоснованы. Весьма украшает диссертацию и приложение, где приводится перевод на русский язык небольшого, но важного догматического толкования на молитву Иисусову (он осуществлен впервые). Диссертант проявляет основательное знание как источников, так и соответствующей литературы.

Как научный руководитель, я находился в течение продолжительного времени в рабочем контакте с диссертантом и все свои замечания сделал к черновому варианту диссертации: они были учте-

ны В. Г. Патриним. Одно общее замечание или, точнее, пожелание автору: быть более самостоятельным в своих исследованиях и не следовать в фарватере западных исследователей и их подражателей в России (А. Г. Дунаева, В. М. Лурье). Прослеживание становления формулы молитвы Иисусовой имеет, конечно, немаловажное значение, но возникает опасность слишком сильного увлечения формальной стороной, что может породить невнимание к духовному содержанию молитвы. Диссертант всячески стремился избежать подобной опасности, хотя это не всегда удавалось ему.

В целом же могу сделать заключение, что представленная диссертация отвечает всем «канонам жанра», и автор несомненно заслуживает искомой степени кандидата богословия.

3.2. ОТЗЫВ преподавателя П. К. ДОБРОЦВЕТОВА на кандидатскую диссертацию стажера Московской духовной академии В. Г. ПАТРИНА по кафедре Богословия на тему: «История практики “Молитвы Иисусовой” (Обзор историографии. Начальный период существования практики и ее историческое развитие до XIV в.)»

Диссертация на соискание степени кандидата богословия по кафедре Богословия Патрина Вячеслава Геннадьевича посвящена, как это видно из пространного пояснения к названию, теоретическому исследованию «сердцевины» православной аскетики и традиции исихазма — практике молитвы Иисусовой — в течение периода возникновения и формирования этой практики. Важная роль Иисусовой молитвы для всей традиции православия в преломлении многовекового святоотеческого опыта привлекает внимание многих как отечественных (А. И. Сидоров, В. М. Лурье, А. Г. Дунаев, С. С. Хоружий, епископ Иларион (Алфеев)), так и зарубежных исследователей. И автор диссертации активно привлекает их исследования в своей работе (как на русском, так и на иностранных — английском и французском — языках). Можно уверенно сказать, что они послужили основой концептуальной схемы данной диссертации и почти единственным источником из-

ложения идей и полемики по относящимся к данной тематике проблемам.

К бесспорным заслугам автора следует отнести: серьезное отношение к анализу литературы по данной теме (как первичных, так и вторичных источников), о чем свидетельствует пространный и четкий (с подробным приведением всех необходимых выходных данных, вплоть до нумерации по TLG) комментированный перечень библиографии в начале работы; четкую структурированность (доходящую иногда до некоторой сухости и формализма) работы.

После рассмотрения терминологии, относящейся к практике Иисусовой молитвы, автор попытался проследить ее генезис и развитие на примерах святоотеческих произведений с IV по XIV век, выстроенных в хронологическом порядке. В этом заключается главная часть работы. Автор, основываясь на анализе святоотеческих текстов, выявляет словесную структуру Иисусовой молитвы в ее различных (в т. ч. дискутируемых) модификациях, предшествовавших ее классической формуле, а также конкретные сотериологические «функции» практики молитвы Иисусовой в аскетическом святоотеческом делании.

Автор произвел сопоставительный (и часто критический) анализ разных точек зрения по вопросам, касающимся Иисусовой молитвы (в основном ее происхождения и раннего периода практики), на материале ряда доступных ему как отечественных (указанных выше), так и зарубежных исследований.

Данная работа соответствует всем общим необходимым формальным критериям написания кандидатской диссертации (постановка проблемы, источниковедение, раскрытие темы, аналитичность в подходе к материалу, четкая структурированность, наличие обоснованных выводов и решение поставленной проблемы).

К мелким, но довольно многочисленным недостаткам работы следует отнести следующее:

грамматические ошибки в виде рассогласования падежей и родов;

ошибки в написании имен, опечатки;

- с. 61 — непоясненное выражение «платоническое богословие»;
- с. 98 — автор не удосужился указать имена святых отцов и названия сочинений в итоговом списке возможных, предшествовавших классической, формул Иисусовой молитвы;
- с. 104 — неясное употребление очень многозначного (см., например, Словарь Лэмба) и непоясненного в тексте слова «катарсис», поставленного в соответствие с молитвенным вниманием;
- с. 110 — не «презрех», а «предзрех» Господа (Пс. 15);
- с. 114—115 — отсутствуют ссылки на приводимые мнения А. Г. Дунаева,
- с. 116 — отсутствуют ссылки на Р. Сенкевича,
- с. 117—118 — отсутствуют ссылки на тексты первоисточника;
- с. 158 — некорректность выражения: «дуальность человеческой природы, возникшей в результате грехопадения», поскольку такая дуальность — есть изначальный Божественный замысел о человеке, как «поставленном» одновременно в двух мирах — умопостигаемом и чувственном (см., например, преподобного Максима Исповедника).

В качестве общего технического замечания хотелось бы дать совет автору выделять составляющие предмет данного исследования молитвенные формулы в пространных цитатах (иногда на целую страницу) из святоотеческих текстов для облегчения их восприятия, сопоставления и осмысления. Впрочем, иногда, нарушая такое сложившееся единообразие, автор делает это, но, к сожалению, не везде.

Однако, несмотря на сделанные замечания, носящие в основном формальный характер, данная диссертационная работа соответствует всем необходимым критериям и, на мой взгляд, заслуживает самой высокой оценки.

4.1. ОТЗЫВ доцента протоиерея Максима КОЗЛОВА на кандидатскую диссертацию выпускника Московской духовной академии сектора заочного обучения священника Димитрия КИРЬЯНОВА по кафедре Истории западных исповеданий на

тему: «Основные черты учения неотомистов как главенствующей системы католического богословия»

Труд иерея Димитрия Кирьянова состоит из введения (с. 4—15), пяти глав (с. 15—196) и заключения (с. 196—200). Работу дополняет список использованной литературы и приложение, в котором помещен перевод с латинского 24 тезисов томистской философии.

Во введении подчеркивается важность изучения истории западной богословской и философской мысли, необходимость осмысления путей ее развития в XX веке. Автор обосновывает актуальность своего исследования тем, что, хотя со времени Второго Ватиканского собора неотомизм перестал являться единственной системой католической философии, тем не менее влияние томизма на богословскую и философскую мысль Католической Церкви не прекращается, а потому необходимо дать православную оценку этому направлению католической мысли. Во введении автор также дает обзор отечественных и зарубежных исследований по неотомизму, а также основных работ томистских авторов. В работе справедливо отмечается, что на русском языке до сих пор не существует ни одного комплексного историко-философского исследования неотомизма, тем более труда, посвященного православной оценке неотомистской философии. Автор четко формулирует цели диссертационного исследования и раскрывает их в соответствующих главах работы.

В первой главе дается обзор истории неотомистского движения в XIX — начале XX века. Во второй — рассматриваются философско-богословские системы основных представителей различных школ неотомизма. Особое внимание автор уделяет рассмотрению неотомизма наиболее известных католических философов Жака Маритена и Этьена Жильсона. Третья глава посвящена рассмотрению критики неотомизма в католической мысли второй половины XX века представителями «новой теологии» и возникновению и развитию вследствие этой критики в католическом богословии концепции доктринального плюрализма. Автор убедительно показывает, что возвращение представителей «новой теологии» к патристическому наследию со всей очевидностью свидетельствовало о не-

возможности примирить в рамках одного богословия схоластическую мысль и святоотеческое богословие. Четвертая глава посвящена критическому анализу одной из последних энциклик Иоанна-Павла II «Вера и разум», в которой со всей очевидностью прослеживается позиция доктринального плюрализма, занимающая доминирующее положение в католической мысли со времени Второго Ватиканского собора. Автор убедительно демонстрирует примеры такого плюрализма на основании анализа документов Понтификального совета по восстановлению христианского единства (Декларация об оправдании, Декларация об исхождении Святого Духа). Пятая глава исследования посвящена анализу отношений томистской философии и современной науки. Автор в ней, в частности, указывает на современных томистов, которые при изложении основных научных концепций широко используют категориальный аппарат философии Аристотеля, что может быть принято и в православной апологетике. В заключении подводятся итоги работы, где автор на основе проведенного исследования дает объективную оценку различных школ неотолизма, показывая, что только Жаку Маритену удалось наиболее удачным образом применить томизм к проблемам современности. Справедливо отмечается, что Жак Маритен и Этьен Жильсон первыми из западных мыслителей осознали губительность существования «отделенной» философии или науки и показали, что разрыв философии с христианской верой привел к исчезновению целостного видения мира, отрицанию существования объективной реальности и объективной истины. Автор, однако, отмечает, что синтез научного, философского и богословского знания не должен с необходимостью строиться на учении Аквината, так как принципы аристотелевской метафизики и логики использовались и отцами Церкви, в частности, св. Иоанном Дамаскиным.

Опираясь на результаты проведенного исследования, автор делает вывод о том, что на основе собственной мысли Аквината невозможно построить согласованный синтез христианской веры и знания, так как у Аквината область «естественного разума» является совершенно независимой от веры. Такой акцент на автономии разу-

ма приводит большинство неотомистов, в конечном итоге, к отрицанию самой возможности существования христианской философии. Проведенное автором исследование истории неотолизма показало, что даже в католической среде неотолизм был признан неадекватной богословско-философской системой, которая оказалась совершенно отделенной от существа жизни и от истории. Poleмика неотолизма и «новой теологии» показала, что совмещение в рамках одной системы богословия и схоластики принципиально невозможно. Автор справедливо указывает, что доктринальный плюрализм, вошедший в католическое богословие со времени Второго Ватиканского собора, является прямым следствием невозможности этого примирения. Вместе с тем отмечается, что богословский плюрализм стал основой для экуменической деятельности Католической Церкви.

Работа выполнена автором на весьма высоком научном уровне, с использованием большого количества первоисточников, в том числе на английском, немецком и французском языках. Несомненным достоинством работы является привлечение автором большого количества оригинальных работ авторов различных школ неотолизма. Проведенный автором анализ этих работ показывает, что автору, ввиду малоизученности указанной темы в православной богословской мысли, приходилось производить самостоятельный анализ основных концепций неотолизма.

Конечно, описание неотолизма, осуществленное свящ. Димитрием Кирьяновым, нельзя назвать исчерпывающим, для этого потребовался бы труд в несколько раз больший по объему, но все-таки автор попытался выделить главные темы томистского возрождения XX века: метафизику, христианскую философию, вопрос о соотношении природы и благодати, философию природы. Думаю, что справедливо оставлены за скобками вопросы, разделяющие православие и католицизм, ибо неотолизм этих аспектов учения Аквината фактически не касается, будучи по преимуществу философией с главной темой — обоснования метафизики.

К числу недостатков работы можно отнести следующие:

1) перевод с латинского 24 Тезисов томистской философии не

всегда удачен стилистически, хотя автор и стремится передать специфику томистского словоупотребления,

2) кое-где неточна терминология, так куриальная структура именуется Папским (понтификальным) Советом по содействию христианскому единству, а не Собором, конечно (перевод английского council),

3) прокрадываются неизбежные (хотя и немногочисленные) ошибки и опечатки,

4) не все ключевые работы, в которых дается критическое рассмотрение богословия Аквината, оказались иерею Дмитрию доступны, но тут уж не его вина; скорее приходится удивляться и ставить диссертанта в пример студентам-очникам, работающим (или бездельничающим) в нескольких десятках верст от главных российских библиотек, как человек, живущий в Тобольске, сумел найти источники в ограниченном доступе сайта Оксфордского университета, заказал и получил в Сибири книги из Европы и Америки, которых теперь кроме него ни у кого в России нет, получил платный доступ к Интернет-библиотекам.

Ввиду вышеизложенного не вызывает сомнений то, что работа иерея Дмитрия Кирьянова заслуживает ученой степени кандидата богословия. Оценка безусловно «отлично».

4.2. ОТЗЫВ преподавателя священника Александра ЗАДОРНОВА на кандидатскую диссертацию выпускника Московской духовной академии сектора заочного обучения священника Дмитрия КИРЬЯНОВА по кафедре Истории западных исповеданий на тему: «Основные черты учения неотомистов как главенствующей системы католического богословия»

Тема представленной работы не принадлежит к числу разработанных в отечественной научной литературе. Исключением являются несколько статей-описаний, которые сопровождали появляющиеся в последнее время многочисленные сборники переводов Маритена и, в особенности, Жильсона. Хотя и принадлежащие перу классиков (Сергея Аверинцева, к примеру), статьи эти носят общий

характер и не выходят, к тому же, за пределы рассмотрения творчества двух вышеназванных авторов. Тем отраднее видеть в работе свящ. Дмитрия Кирьянова широкий исторический контекст внутренней логики развития неотомизма. Начавшись как ответ Римско-Католической Церкви в рамках неосхоластики Лувенской школы на модернизм (этому процессу посвящена первая глава работы), возрожденный томизм становится вскоре самостоятельным богословским и философским учением.

Последнее определение заставляет остановиться подробнее на элементарном вопросе: справедливо ли рассматривать неотомизм как явление теологическое или же он имеет больше прав на философский контекст? Название и логика представленной работы склоняют к первой возможности (этой проблеме посвящена глава вторая). Так, автор пишет: «Жильсон предложил программу христианской философии, которая должна выражаться в следовании букве и духу учения Аквината. Для Жильсона философия Аквината — единственная философия, которая является в то же время философией Католической Церкви» (с. 131). Интересно, что Маритен более осторожен в этом вопросе и делает здесь оговорку: следует отличать сущность философии и состояние практики философии. Сущность ее не может интерпретироваться как «анти-», «не-» или просто христианская.

Автор предлагаемой работы считает, что Маритен здесь отделяет христианскую философию от содержания христианской веры, и ему более импонирует Жильсон, требовавший от христианской философии следовать порядку теологии, т. е. «опираться на христианское Откровение и быть неразрывно связанной с содержанием христианской веры» (с. 132). Более того, позиция Жильсона представляется автору наиболее близкой к православному пониманию христианской философии. Ссылаясь на опыт взаимоотношения философии и богословия в Византии (в основном, согласно сомнительной интерпретации о. Василия Зеньковского), диссертант главным обвинением против томистского и неотомистского понимания философии выдвигает их «беспроblemность» в вопросе происхождения,

возможностей и наличного существования человеческого разума. Философия исходит из того, что есть; богословие — из того, что есть и из того, что должно быть. Разум после грехопадения несовершенен, но нельзя думать, будто философия всегда закрывает на это глаза. Достаточно вспомнить, что никто не дал столь уничижительную и пессимистическую в итоге характеристику возможностей человеческого разума, как Кант в своей аналитике.

Поэтому более справедливой оценкой самой возможности существования «христианской философии» нам представляется все же позиция Маритена. Философия есть инструмент, особенно в своей наиболее практической части — логике. Пусть теология для нее госпожа, но без помощи подобной служанки объем работы для госпожи теологии вырастает вдвое. Философия расчищает место для теологии, последняя приходит на уже готовое поле, дабы установить на нем фундамент веры. Последовательность их работы принципиальна, никакое соработничество здесь невозможно. Совершенно прав был Хайдеггер, когда называл «христианскую философию», т. е. одновременный уродливый симбиоз деятельности госпожи и служанки — «деревянным железом».

Русская религиозно-философская мысль в этом смысле является счастливым исключением, т. к. никакая авторитетная церковная инстанция не могла бы объявить принципиально православным ни одно из ее направлений. Именно поэтому православное богословие избавлено от необходимости принимать в качестве своей обязательной философской составляющей оригенизм и несторианство Хомякова, псевдоаскетические измышления и милленаризм Достоевского или весь букет идей, доставшийся русской мысли от Соловьева и Флоренского.

Впрочем, католическое богословие также подвергло такой дисбаланс в соотношении сил богословия и философии принципиальной критике (этому посвящена интереснейшая третья глава диссертации). Исторические границы заявленной в названии работы темы оканчиваются временем Второго Ватиканского собора, после которого «томизм в его чистом виде, как, например, доминиканский то-

мизм, томизм Жильсона и Маритена ... не является доминирующим в католической мысли» (с. 170).

Оценивая работу в целом, следует отметить ее первый в русской литературе обобщающий характер. Несмотря на то что с некоторыми характеристиками автора согласиться трудно, а компарацию философского томизма с православным взглядом на философию хотелось бы видеть более развернутой, данную работу нельзя не признать полностью раскрывающей заявленную в ней тему. К безусловным плюсам работы следует отнести и ее методологическую часть. Так, например, большая часть ссылок на иноязычные источники дается на основании ресурсов сети Интернет. «Легитимация» подобной практики была бы весьма полезной и весьма продуктивной для исследовательских работ в данной области.

Представленная работа заслуживает самой высокой оценки, а ее автор — искомой степени.

5.1. ОТЗЫВ профессора А. И. СИДОРОВА на кандидатскую диссертацию выпускника Московской духовной академии архимандрита ИСАИИ Киккотиса (Георгакиса Спиридона) по кафедре Богословия на тему: «История колливадских споров на Афоне и их богословское содержание»

Представленная работа является исследованием малоизвестного у нас в России движения и вызванных им в греческой Церкви второй половины XVIII — начала XIX в. споров. Автор рассматривает в своей диссертации личности и деятельность основных представителей названного движения (Неофита Кавсокаливита, свт. Афанасия Паросского, Макария Коринфского и преп. Никодима Святогорца), а также их оппонентов (Феодорита из Иоаннитов, Виссариона из Рапсаны и Геннадия Халебского). Достаточно подробно трактуются им основные аспекты колливадских споров: вопрос поминовения усопших в воскресный день, проблема должной частоты Божественного Причащения и т. д.

Сразу же хочется отметить, что диссертантом собран обширный материал. Солидная библиография также свидетельствует о трудо-

любии и прилежании автора. Весьма подкупает и хорошее знание им святоотеческого Предания.

Вместе с тем у меня имеется ряд замечаний. Прежде всего, не совсем точным представляется название работы, ибо, как явствует из нее самой, речь идет скорее о литургико-канонических вопросах, вызвавших бурные дискуссии, чем о вопросах в собственном и прямом смысле богословских. Естественно, что в Православной Церкви почти любой канонический или литургический вопрос в той или иной степени связан с догматическим вероучением, но эта связь далеко не всегда является прямой, будучи довольно часто опосредованной. Колливадские споры, на мой взгляд, хорошо иллюстрируют это. Например, вопрос о том, насколько часто следует причащаться христианину, не имеет прямого богословского и догматического основания. Конечно, столкновение спорящих сторон в данном вопросе указывает на глубинное мировоззренческое расхождение колливадов и их оппонентов, но такое расхождение в работе не всегда отчетливо выражено. Поэтому думаю, что более правильным названием было бы следующее: «История колливадских споров на Афоне и их литургико-каноническое и богословское содержание». Причем подобное название позволило бы диссертанту более четко разграничить литургико-канонические и богословские аспекты споров.

Второе замечание: структура работы в ее настоящем виде довольно рыхлая. Так, автор, дав в главе I краткую характеристику основных представителей колливадов, затем в главе IV возвращается к их литературной деятельности, причем описание этой деятельности не носит целостного характера: оно сводится к перечислению трудов колливадов (иногда с кратким аннотированием содержания произведений), где их оригинальные сочинения не отделяются от произведений компилятивного характера. Было бы целесообразнее соединить обе эти разорванные части, серьезным образом переработав их (в частности, дав характеристику своеобразия творчества того или иного автора и его мирозерцания). Также нелогичным представляется разрыв краткого описания генезиса колливадских споров (с.17—21) и очерка их дальнейшего развития (с.155—

163). По моему убеждению, работу следует структурировать по следующему принципу: выделить две основные части — историческую и мировоззренческую, продумав строгую логику построения изложения внутри каждой части. Например, параграф 6 главы II называется «Спор вокруг молитвы», но собственно спора там никакого не обнаруживается, поскольку излагается учение одного преп. Никодима Святогорца о молитве (отраженное только в его сочинении «Невидимая брань»), но взгляды антиколливадов на сей счет отсутствуют. Далее излагается святоотеческое учение о молитве и аналогичное учение двух старцев XX в. — Германа и Паисия. Если цель автора — показать укорененность рассматриваемого учения колливадов в святоотеческой традиции и жизненность его в современном монашестве, то следует строить эту часть диссертации по естественной схеме: святы отцы — колливады — живое молитвенное предание у современных старцев.

Далее: диссертант пытается соположить исихастов XIV в. (свт. Григория Паламу и др.) и колливадов XVIII в., но делает это весьма поверхностно и очень неубедительно. Например, на с. 193 говорится: «Варлаам Калабрийский в XIV в. и греки-просветители XVIII века, боготворя правое слово, предавались никому не подвластному “рационализму”. Григорий Палама и колливады, глубокие знатоки Священного Предания и носители исихастского опытного богословия, напротив, находились ближе к жизни, признавая, что, безусловно, все достигается личным усилием человека и его здравым смыслом, но при этом милостью (благодатью) и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа». Подобные общие констатации (причем, не очень корректные) возможны, если они зиждутся на сравнительном анализе соответствующих текстов, а без такого анализа это — лишь пустой звук. Или: на с. 18 мелькает фраза об «исихастском споре вокруг поминовения». Ничего исихастского в этом споре, судя по содержанию диссертации, не наблюдается. Вообще, у меня создается впечатление, что сами колливадские споры и так называемое «движение Добротолубия» суть явления, хотя и связанные, но далеко не тождественные. Сами споры представ-

ляются мне достаточно обычным церковным искушением: в общем незначительные и акцидентальные литургические и канонические вопросы здесь возводятся в ранг существенных и принципиальных. Порой даже кажется, что, по сравнению с «классическими» догматическими спорами: тринитарными, христологическими и т. д. (в том числе и исихастскими спорами XIV в.), они свидетельствуют о печальной нищете и скудости греческого богословия XVIII в.

Наконец, поскольку диссертация предназначена для русских читателей (пусть и узкого круга), то следует подчеркнуть, что качество ее русского текста не всегда удовлетворительное. Такие фразы, как «монашеские кулаки возвышались над догматами Церкви» или высказывание, что движение колливадов стало «причиной расшатывания устоев афонского жительствова» (с. 191) недопустимы. Необходима весьма серьезная работа над переводом.

В заключение могу сделать следующий вывод: представленная диссертация требует серьезной переработки и в настоящем виде не может быть признана работой, за которую ее автору следует присудить искомую степень кандидата богословия. Пока данная работа — только материал для будущей диссертации.

5.2. ОТЗЫВ преподавателя иеромонаха ДИОНИСИЯ (Шленова) на кандидатскую диссертацию выпускника Московской духовной академии архимандрита ИСАИИ Киккотиса (Георгакиса Спиридона) по кафедре Богословия на тему: «История колливадских споров на Афоне и их богословское содержание»

Кандидатская диссертация архим. Исаии Киккотиса (Спиридона Георгакиса) посвящена одной из важнейших духовных страниц истории Греции и всего православного мира. Колливадские споры на Афоне стали своеобразным горнилом, из которого вышло то лучшее, что мог дать строго монашеский аскетизм ревнителям о высоких христианских идеалах. Работа актуальна для русской церковно-исторической и богословской науки. Автор предложил достаточно убедительную и яркую картину, основывающуюся на

источниках, труднодоступных русскоязычному читателю, но не ограничивающуюся ими. Надо отметить, что круг источников на русском языке, касающихся данной тематики, крайне узок. Статья С. Н. Говоруна «Из истории Добротолюбия», опубликованная в одном из выпусков журнала «Церковь и время», — единственный доступный материал. Эта же статья вместе с статьей того же автора «Святой Макарий Нотарас, родоначальник “филокализма”» была опубликована в интернете на портале Православие.ru, и удостоилась целого реферата (уже без указания имени автора). Данная ситуация не совсем нормальна — у нас нет серьезных современных статей и монографий не только по греческому «филокализму», но и по русскому. Так славянское Добротолюбие, созданное трудами переводческой школы прп. Паисия Величковского до сих пор полностью не исследовано.

Диссертация состоит из предисловия, введения, основной части (в 4-х главах), списка источников, библиографии (специальной и общей). Общий объем диссертации 223 страницы. По своей структуре она напоминает не столько строгое патрологическое исследование, сколько церковно-историческую монографию.

В предисловии автор пишет о роли монахов в защите истин веры. «Неоднократно монахи своей позицией и критикой пробуждали заснувшую совесть и забытую традицию» (с. 5).

Во введении в подразделе «проблематика» намечены исторические обстоятельства конфликта сторонников и противников субботного поминовения усопших, который послужил поводом к выявлению ряда духовных и богословских проблем. Автор проводит параллель с исихастскими спорами XIV в.: как противники исихастов, так и противники колливадов не могли отделить философского от богословского подхода. И действительно, согласно учению свт. Григория Паламы есть две мудрости, мудрость мира и мудрость Божественная, которые вопреки мнению Варлаама Калабрийского не составляют единое целое. Представители внешней мудрости недооценивают силу и дарования Святого Духа, то есть сражаются против таинственных энергий Духа. Автор вносит

ряд ценных уточнений: знакомит нас с мнением греческого просветителя Миснодакаса, который называл научное знание подлинным светом человека (с. 12), описывает антипаламитскую позицию Г. Сундуриса, богослова второй половины XVII в., и просветительские взгляды Евгения Вулгариса (с. 15).

Описание процесса отчуждения греков, пропитанных духом Запада, от своих духовных традиций (с. 11 и далее), и последствий этого отчуждения, несмотря на общий характер, интересно для русского читателя, знакомого с аналогичными процессами в русской истории.

В подразделе «генезис» описывается накал колливадских споров, рукоприкладство монахов. Эта отрицательная традиция, возникшая в монашеской среде, дала снова о себе знать во время разгрома имяславцев в начале XX в.

Далее в 1 гл. рассматривается личность Неофита Кавсокаливита, первого колливада, Афанасия Паросского или Парийского, Макария Коринфского, прп. Никодима Святогорца. Автор с таким воодушевлением пересказывает их позицию, что у читателя возникает желание открыть и прочесть «Указание беспорядков против истины, происшедших на Святой Горе». Но вопрос о переводе основных колливадских памятников — это особый вопрос, который мог бы быть разрешен в том числе при содействии Киккского монастыря.

Затем рассматриваются основные представители антиколливадов. Особого внимания заслуживает раздел об отношениях Афанасия Парийского с Адамантом Кораисом, которые, полемизируя друг с другом, тем не менее отстаивали духовные принципы греческого народа, каждый в меру своего понимания.

Во 2 гл. излагаются основные вопросы, обсуждавшиеся в колливадских спорах. Они носят не богословский, а канонико-литургический характер. С точки зрения современного читателя они могут показаться даже второстепенными. Однако не стоит забывать, что внутренним стержнем дискуссии был вопрос о молитве и о Евхаристии. Архим. Исаия постарался очень подробно осве-

тить учение о молитве в отдельной главе «Спор о молитве», в которой описывается не столько спор, сколько учение прп. Никодима Святогорца в виду того, что антиколливады по данному вопросу прямо не высказывались. Практико-аскетическое понимание молитвы в православной традиции глубочайшим образом связано с богословием (вспомним классические слова Евагрия Понтийского «кто молится, тот и богослов»), и в этом отношении диссертант, пытаясь описать богословский аспект колливадских споров, идет, как представляется, по весьма традиционному и важному пути.

В последующих главах описывается дальнейшая судьба движения, отношение к нему Вселенского патриархата, с одной стороны, и влияние колливадов на славянские страны, с другой. Кроме того, в главе о литературной деятельности колливадов приведены списки трудов основных представителей движения, которые можно рассматривать как приложение к диссертации, которое несмотря на слишком краткий и обзорный характер содержит ценные сведения для русского читателя.

Оценивая работу архим. Исаии, можно сказать, что она имеет логичную и последовательную структуру. Методология, избранная автором, отвечает целям научного исследования. Он изучил достаточно широкий круг литературы на греческом и других европейских языках. Для написания диссертации ему пришлось также потрудиться в архивах Афонских монастырей, консультироваться с ведущими специалистами, такими как А.-Э. Н. Тахиаос и др.

Вместе с тем можно высказать некоторые критические соображения.

1. В вопросе о частом или редком причащении в будущем было бы хорошо сослаться на аналогичную ситуацию на Руси.

2. Утверждение о том, что «российский император Петр Великий посредством западного просвещения боролся с традицией и религией» (с. 13) не совсем корректно.

3. Автор не поясняет некоторые имена собственные, которые без комментария остаются непонятными. Так, например, Марк — наемный разбойник Цароса (с. 19). Но кто такой Царос — имя соб-

ственное, но такое имя не характерно для Греции. Невольно приходит на ум греческое имя τσάρος, калька со славянского «царь», но какое отношение имеет какой-бы-то-ни-было царь к наемным бандам головорезов?

4. Хотелось бы спросить у автора — прославление мучеников-колывадов происходило на местном уровне или подтверждалось вселенским патриархом? (с. 20).

5. Труд Афанасия Паросского «О споре» был издан в 1988 г., об этом знает и автор. Так что хотелось бы попросить исправить выражение «в неизданном труде» хотя бы на следующее: «в неизданном до недавнего времени» (с. 18).

6. Грамматические и стилистические замечания:

Иногда встречаются грамматические ошибки («получение образование» на с. 10 или «фармасоны» вместо «франкмасоны» — с. 19).

«Священное греческое предание» лучше было бы передать как «... традиция» (с. 11).

Стилистическая неточность: «Спор принял необычайную страстность» (с. 18).

Вукурести (с. 25) — не более чем Бухарест.

«Королевская школа Иасиу» (с. 25) — Ясская школа.

Термин «метакеносис» (μετακένωσις) нуждается в переводе и историко-богословском комментарии (с. 55).

Несмотря на высказанные замечания, диссертация архим. Исаии заслуживает отличной оценки. Надеемся, что после стилистической доработки она — полностью или частично — может быть опубликована. Несомненно, в таком виде она будет востребована и существенно пополнит русскую библиографию по данной тематике.

6.1. ОТЗЫВ преподавателя иеромонаха ДИОНИСИЯ (Шленова) на кандидатскую диссертацию выпускника Московской духовной академии иеромонаха ЛЕОНТИЯ (Козлова) по кафедре Богословия на тему: «Преподобный Никодим Святогорец (1749—1809). Житие и творческое наследие»

Диссертация иером. Леонтия (Козлова) посвящена описанию творческого наследия прп. Никодима Святогорца, известного подвижника и церковного писателя XVIII — нач. XIX в. Как известно, Вселенская Патриархия синодальным актом от 31 марта 1955 г. причислила его к лику преподобных, а ровно через год святость прп. Никодима была признана Синодом Русской Православной Церкви. Однако в те годы ни Вселенская Патриархия, озабоченная турецким вопросом, ни Московская Патриархия, изолированная советским государством от полноценного общения с православным миром, не стремились дать его деятельности научно-богословскую оценку. Только к концу XX в. как в силу изменения внешних обстоятельств, так и в результате духовного возрождения монашеской жизни сложилась более благоприятная атмосфера для плодотворного изучения наследия прп. Никодима. На волне нового филокалийного движения, почин которому был положен на Афонской горе в конце 1970-х гг., принявшего особо интенсивные формы в славянских странах, освободившихся от тоталитарных режимов, современные историки и богословы не могли пройти мимо личности того, кто стоит у истоков этого движения. В этом же направлении движется и иером. Леонтий.

Диссертация иером. Леонтия написана обстоятельно, с учетом богатейшей литературы о прп. Никодиме, в основном на греческом языке, и новых изданий его собственных сочинений, осуществленных на протяжении последнего десятилетия. Автор не поленился собрать максимальное количество источников, в частности, из книгохранилищ Афонских обителей, что стало возможным благодаря свободному владению им новогреческим языком и знанию древнегреческого. Совмещение этих знаний явилось своеобразным ключом и к языку самого прп. Никодима, писавшего на так называемой кафаревусе (название это появилось позднее, уже после смерти прп. Никодима). Работа иером. Леонтия завершается целым рядом замечательных переводов.

Впрочем, изредка встречаются досадные опечатки, напр., «Никодима» (с. 7), или стилистические погрешности, напр.,

«Колливады, несмотря на личные расхождения, в своей совокупности ...» (с. 20). Афанасий не Паросский, а Парийский (с. 21). Дважды, с незначительными вариациями, повторено письмо латинского архиеп. Наксоса Криспи (с. 24 и с. 42). На с. 54 обещан номер страницы, но так и не поставлен. Однако в целом работа написана аккуратно, стиль ее выдержан и вполне литературен.

Диссертация состоит из введения, шести глав (180 стр.) и приложения (70 стр.) — на первый взгляд немногим более требуемых 120—140 страниц, но если учесть число строк на странице (44) и количество печатных знаков — более 500 вместо требуемых 200—250, то видим, что объем ее вдвое больше.

Во введении автор подчеркивает значимость личности и трудов прп. Никодима и указывает на малоизученность его наследия в России и даже бытующее подчас одностороннее представление о нем как о некоем проводнике западных идей. Данная работа призвана восполнить, по возможности, существующий пробел в отечественной литературе. Свою позицию автор подкрепляет перечнем русских исследований о прп. Никодиме и переводов его творений. Из малых недостатков введения можно указать на то, что автор не учел публикацию в журнале «Встреча» фрагмента из толкования прп. Никодима на песнь Пресвятой Богородицы и, значит, едва ли систематически просматривал российскую периодику для выявления других малоизвестных публикаций. Также во введении автор допустил фактическую ошибку: конференция на Крите проходила не в 2000, а в 2001 г.

В первой главе («Исторический обзор исследований о жизни и трудах прп. Никодима Святогорца») рассматриваются общие работы по данной теме (всего около двадцати, по большей части греческих, а также некоторых западных авторов) и отдельные частные исследования. Надо отметить, что деление на общие и частные исследования хорошо для библиографии, но не может заменить хронологического и тематического описания уровня исследований. Хорошо известно, что малая статья подчас может быть ценнее огромного тома. Однако некоторая неуверенность автора в вынесении

глобальных суждений скорее похвальна, так как подтверждает добросовестность его подхода.

Вторая глава посвящена важнейшим особенностям эпохи, в которую жил прп. Никодим, и его житию, составленному на основании первоначального жития и более поздних жизнеописаний с учетом данных, почерпнутых из новейших исследований. Житие написано очень подробно и является ценным вкладом в агиографию. Выскажем дополнительные скромные благопожелания. В главе, посвященной житию, нужно было бы выделить источники в особый раздел. В рассказе автора о всеобщих в честь прп. Никодима в монастыре Петраки (с. 36) следовало бы указать на повсеместность его почитания в Греции. Известный факт для иером. Леонтия, который участвовал в монастырских агрипниях в память прп. Никодима, но не столь очевидный для неискушенного читателя.

В третьей главе («Характеристика отдельных сторон личности прп. Никодима») автор останавливается особо на образовании прп. Никодима, владении им иностранными языками, отношении к науке и позиции в колливадских спорах. Данные аспекты раскрыты весьма умело. Вывод, заключающийся в том, что прп. Никодим, хотя и получил хорошее образование (в том числе и в светских науках), интересовался по преимуществу и даже исключительно духовными вопросами, используя в своих произведениях знания, сохранившиеся со времени учебы, более чем справедлив. Однако, выбирая для решения поставленных задач самые надежные ориентиры, диссертант все же со слишком большой легкостью соглашается с ними. Раздел о владении иностранными языками был бы более убедителен, если бы был приведен ряд примеров из сочинений прп. Никодима, свидетельствующих об уровне его образованности. Впрочем, этот недочет искупается сполна тем, что в следующем разделе приводится русский перевод гимна Божией Матери (с. 47—48), в котором Ее воспевают грамматики, риторы, геометры, астрономы и др. представители ученого мира!

Очень важной частью работы является четвертая глава — «Обзор произведений прп. Никодима». В ней автор описывает письменное

наследие прп. Никодима во всем его многообразии. Основные произведения, написанные или составленные прп. Никодимом, числом 26, разделены на восемь жанров: аскетические, богословские, нравственно-назидательные, экзегетические, пастырско-канонические, агиологические, защитительные и гимнографические. Эта обзорная глава может стать отправной точкой для дальнейших, более глубоких исследований.

Отметим отдельные недочеты, допущенные в четвертой главе. Автор должен был бы сделать более обстоятельную ссылку на так называемую Филокалию Оригена, которая была составлена не только св. Григорием Богословом, но также и св. Василием Великим (с. 64). Автор немного пишет о русском переводе свт. Феофана Затворника без учета того, насколько изменился состав 5-ти томного Добротолюбия Вышенского Затворника по сравнению с греческим (с. 65). В оценке исключительной древности и полноты (т.е. авторитетности) несохранившейся рукописи Великой Лавры, по которой прп. Никодим делал издание вопросов-ответов прп. Варсанофия и Иоанна, диссертант выдает преувеличенное (и со строгой точки зрения неверное) мнение прп. Никодима за общеизвестный факт (с. 66). Утверждение, что установленный Типиконом порядок утрени сохранился только на Афоне (с. 77), не совсем корректно. О подложных сочинениях (с. 82) надо писать обстоятельнее. Автор ничего не пишет о русском переводе Эвергетиноса, хотя должен был бы произвести более тщательное расследование в этой области (известен ряд попыток, пока не увенчавшихся успехом); неужели ему не известен русский перевод «Назидательного руководства», который он сам же начинал редактировать? В вопросе о неподлинности некоторых сочинений диссертант очень легко принимает точку зрения митр. Шведского Павла вопреки столь уважаемому им же мон. Никодиму (Билалису) и др. (с. 108).

Пятая глава («Анализ и оценка творческой деятельности прп. Никодима») состоит из семи подразделов и анализирует вклад прп. Никодима в разных сферах богословской науки, в частности, по изданию святоотеческих произведений в экзегетической,

пастырско-канонической, агиографической и гимнографической областях. Изрядная часть агиографического наследия прп. Никодима посвящена Божией Матери, поэтому в одном из подразделов рассматривается отношение прп. Никодима к Пресвятой Богородице. Также здесь разбирается вопрос об оригинальности творчества прп. Никодима, причем вывод звучит на первый взгляд достаточно обескураживающе — в области идей и концепций у него нет ничего своего по причине полной его преданности святоотеческому православному Преданию. Однако автор умело аргументирует свою позицию и в связи с ней рассматривает учение прп. Никодима о молитве и духовной жизни как относящееся к наиболее близкой ему сфере аскетико-богословской и в наибольшей степени оригинальное.

В последней главе основной части («Проблемы авторства и “западного влияния” в некоторых трудах прп. Никодима») автор разбирает наиболее важные проблемы, связанные с авторством книг прп. Никодима «Невидимая брань» и «Духовные упражнения», в основе которых лежат западные произведения. Отталкиваясь от недавних открытий, согласно которым прп. Никодим не имел дела непосредственно с западными источниками, но лишь отредактировал уже существовавший греческий их перевод, автор пишет о необоснованности его обвинений в плагиате. Здесь рассматривается вопрос о масштабах западного влияния в творчестве Преподобного, в результате чего автором делается вывод о том, что прп. Никодим не питал особых симпатий к Западу, но, напротив, был сознательным антизападником. В его творчестве прослеживается некоторое влияние западных идей, которое, в основном, ограничивается несколько схоластическим образом подачи материала и употреблением некоторых общепринятых тогда в богословских диспутах терминов, понятных и простому народу.

Из недостатков этой части отметим следующие. Диссертант излишне следует за греческими авторами, уделявшими много внимания факту опосредованности заимствования из западных источников, в то время как вопрос из какого именно источника почерпнуты, если почер-

пнуты, западные идеи, является вторичным. Далее он дает ответ и с содержательной стороны, но принципы работы прп. Никодима могли бы быть рассмотрены и на более ярких примерах. Так, например, иером. Леонтию следовало бы рассмотреть главу о непрестанном причащении из «Невидимой брани», под ним прп. Никодим понимает, в духе исихастской традиции, непрестанную молитву. Эта же глава позволила бы хоть как-то логически связать вопрос об авторстве трактата «О непрестанном причащении» (о котором он здесь пишет, но который связан исключительно с колливадскими спорами!) с вышеуказанными «западными» сочинениями. В целом, при решении вопроса о западном влиянии на прп. Никодима следовало бы более четко разграничить области этого влияния, формальное от существенного...

Завершается основная часть заключением, где дана краткая обзорная оценка личности прп. Никодима и его вклада в различные области богословия. Наконец, в конце работы приведена исчерпывающая библиография, насчитывающая более ста пятидесяти наименований, в основном греческих авторов.

В приложениях помещен ряд ценных материалов, в основном в русских переводах самого иером. Леонтия: первоначальное житие прп. Никодима, написанное его учеником иером. Евфимием; предисловие прп. Никодима о молитве (к книге «Сокращение псалмов»)¹ и выборочные фрагменты из переведенного им полностью толкования на соборное послание ап. Иакова. Переводы весьма точны, стилистически выверены, хотя местами излишне дословны.

Работу завершает описание афонских келий, в которых подвизался прп. Никодим, снабженное богатым фотографическим материалом. Иером. Леонтий лично посетил все места, связанные с личностью прп. Никодима на св. Афонской горе. Остается пожелать ему посетить и другие места вне Афона, о. Скиропулу, Гидру и др.

Такое придирчивое отношение к автору диссертации отнюдь не умаляет ценность предпринятого труда. Вышеуказанные недочеты — результат, прежде всего, серьезности и трудоёмкости данной

¹ Данное сочинение опубликовано в текущем номере «Богословского вестника» (БВ 7. 2008. С. 105—125). См. выше.

темы. Представленная диссертация по своему объему в несколько переработанном виде могла бы стать замечательной монографией о прп. Никодиме. И можно сказать, что многолетние труды диссертанта увенчались успехом, разнородный набор всевозможных сведений сложился в целостную картину, взирая на которую читатель начинает понимать всю степень своего бывшего незнания. С надеждой на то, что иером. Леонтий продолжит свои ученые изыскания в области так называемой «никодимистики», а также потрудится над расширением корпуса русских переводов из наследия Святого Отца, считаю данную работу отличной, а автора — заслуживающим ученой степени кандидата богословия.

6.2. ОТЗЫВ преподавателя С. Н. ГОВОРУНА на кандидатскую диссертацию выпускника Московской духовной академии иеромонаха ЛЕОНТИЯ (Козлова) по кафедре Богословия на тему: «Преподобный Никодим Святогорец (1749—1809). Житие и творческое наследие»

Научное исследование, выполненное иеромонахом Леонтием (Козловым), представляет собой образец работы нового типа, которые пока еще крайне редко пишутся в стенах отечественных Духовных Школ. Это вполне зрелая диссертация, в общем соответствующая критериям, применяемым в современной мировой науке. Считаю, что работа достойна публикации в качестве научной монографии.

К достоинствам работы следует отнести то, что она носит не описательный характер, но сфокусирована на различных проблемах творчества преп. Никодима. Прежде всего необходимо отметить правильную постановку автором проблем, существующих в отношении творческого наследия Преподобного. Также он в критическом духе, не отступая при этом от изначальных предпосылок православного богословия, всесторонне изучает эти проблемы.

В частности, хотелось бы отметить подробный и критичный обзор историографии, посвященной преп. Никодиму Святогорцу, и составленное на ее основании жизнеописание Святого. Разносторонне

и критически рассмотрен целый ряд вопросов, относящихся к биографии преп. Никодима, как, например, вопрос о его образовании, владении иностранными языками и т.д. Также тщательно изучены проблемы, касающиеся его письменного наследия, и в первую очередь проблема происхождения наиболее противоречивых его книг — «Невидимая брань» и «Духовные упражнения». Скрупулезно рассматривается вопрос о западных влияниях в богословии и терминологии преп. Никодима.

Автор пользовался обширной библиографией по изучаемому предмету, главным образом греческой, которая на данный момент значительно богаче западной библиографии. Еще одним несомненным достоинством работы является то, что автор основывает свои выводы не только на письменных источниках, но также на личном опыте соприкосновения с современной греческой традицией, хранящей наследие преп. Никодима.

Наряду с перечисленными достоинствами исследования в нем есть также ряд недостатков. Так, несмотря на следование критическому методу, автору иногда все же не удается избежать некоторой пафосности, не приличествующей научному исследованию. Следуя существующим штампам, автор дает односторонние оценки таким явлениям как турецкое господство над греками, религиозные братства в Греции (ορθανώσεις). Характеризуя колливадское движение, автор не всегда проводит ясное различие между двумя его фазами. Между тем, преп. Никодим как представитель младшего поколения колливадов, был главным действующим лицом именно второй фазы движения.

Ниже приводится список замечаний к отдельным тезисам исследования.

СС. 20—21: Турки-османы начали постепенно захватывать византийские земли уже с начала XIV в. — процесс, который продолжался вплоть до конца XVII в., — но смертельный удар был нанесен Византии в 1453 г. со взятием Константинополя. Тогда потомки древних героев и философов, наследники славы великого Рима, называвшие себя не иначе как «ромен», т.е. римляне, попали в раб-

скую зависимость к «варварам», полудиким племенам скотоводов и грабителей, которые относились к подчиненным ими народам как к стадам скота, приносящим доход. Несмотря на то, что вначале турками формально были установлены законы, уравнивающие поработанные народы с мусульманами в отношении налогообложения, в дальнейшем они почти не соблюдались. Подобным образом, хотя государство официально считалось веротерпимым и православные должны были иметь одинаковые вероисповедные права с мусульманами, на практике происходило обратное. Угнетение захватчиками по временам было столь невыносимо, что многие православные греки, желая избежать истребления, совершали вероотступничество, так что нередко целые области принимали мусульманство. Часто турки действовали и обманом, обвиняя православных в каком-либо преступлении, когда избавить от смерти могло только принятие их веры. Несмотря на то, что вначале Патриарху были даны немалые привилегии и полномочия, они постоянно нарушались, и для их подтверждения требовалось немало усилий и денег.

С. 25, примеч. 79: монашеские организации-ордена, возникшие в Греции в XX в., например, «Зои» («Жизнь») и «Сотир» («Спаситель»), которые хотят представить себя прямыми продолжателями «движения» колливадов.

С. 30: Прп. Никодим учил, что причащаться нужно за каждой литургией и не отговариваться своим недостойнством, а стараться быть достойным и со смирением приступать к общению с Господом.

С. 37: Однако препятствием к этому (канонизации преп. Никодима) было отсутствие в те годы явных чудес, — хотя многие были свидетелями сильного благоухания честной главы Преподобного, — что вызывало колебания у иерархии Эладской Церкви.

С. 49: В отличие от Запада, где христианство, выродившееся в философскую систему, вступило в борьбу с новой наукой и философией как со своими конкурентами, на Востоке сохранялось еще древнее исихастское предание.

С. 133: Агиологическая наука, которая занимается исследованиями житийной литературы в восточном богословии в настоящее время является, наверное, одной из самых сложных и запутанных. На Западе, где основные силы монашествующих сосредотачивались, по преимуществу, на активной научной деятельности, в этой области было достигнуто многое.

С. 169: Сегодня, когда богословские термины прошлой эпохи осуждены и вышли из употребления, встреча с ними вызывает реакцию отторжения и может создаться впечатление, что прп. Никодим позаимствовал их в католических книгах.

Существует также несколько замечаний по оформлению работы.

1. Главу «История издания Пидалиона», вынесенную в приложение, можно было бы включить в основной текст диссертации.

2. Ссылки на греческие издания приводятся в монотонике, а иногда вообще без знаков диакритики.

3. Наконец, имена иностранных авторов принято транслитерировать по-русски, а не оставлять в оригинале.

7.1. ОТЗЫВ доцента протоиерея Максима КОЗЛОВА на кандидатскую диссертацию выпускника Московской духовной академии А. И. МОНИЧА по кафедре Богословия на тему: «Жизнь и деятельность епископа Адальберта (Войтеха) Пражского»

Диссертация А. Монича носит название «Жизнь и деятельность епископа Адальберта (Войтеха) Пражского». Работа состоит из Введения, пяти основных частей, заключения, приложений общего и частного характера, библиографии (15 наименований источников, 105 изданий на русском языке, 41 наименование на иностранных языках — всего 163 наименования) и фотографий.

Автор четко обозначает актуальность работы, справедливо указывая, что сегодня среди многих вопросов, ставящихся на повестку дня, обсуждается и вопрос о причислении к лику святых Русской Православной Церкви епископа Адальберта-Войтеха Пражского и что потому исследование, касающееся личности епископа Войтеха, сегодня является не отвлеченной теоретической проблемой, а про-

блемой практической.

При этом вопрос о прославлении РПЦ Адальберта-Войтеха очень спорный и неоднозначный, до сих пор не находящий себе поддержку у большинства православных авторов, хотя пражский епископ жил и действовал еще в эпоху единой нераздельной Церкви.

Существенно замечание, что при чрезвычайно богатой библиографии, касающейся жизни и деятельности Пражского епископа (3246 наименований), отсутствует систематическое исследование о нем на русском языке, в котором была бы выражена церковная точка зрения. Заполнить эту лакуну А. Монич и пытается своим трудом.

И сразу скажем, на наш взгляд, делает это весьма достойно.

Автор рассматривает жизнь и деятельность еп. Адальберта в контексте политики пап, императоров, князей периода его активной церковной деятельности, касается также и важных вех истории того времени с точки зрения участия в этих событиях Адальберта-Войтеха.

В работе приведены основные вехи жизни и деятельности видных лиц того периода, которые прямо или косвенно соприкасаются с пражским епископом.

Методология, используемая А. Моничем, состоит в обращении:

- 1) к источникам (жития, хроники, другие средневековые тексты).
- 2) К многочисленной вторичной литературе, представленной наиболее авторитетными работами по церковной и гражданской истории, биографическими исследованиями, необходимыми вспомогательными материалами.

Автор не обходит вниманием и сочинения, усвояемые еп. Адальберту.

В целом диссертация разделяется на две большие части. Главным содержанием первого раздела является историческая эпоха, в которую жил Адальберт-Войтех. Автор последовательно прослеживает, какое отношение имел Пражский епископ к Оттоновскому двору, рисует политическую карту Чехии в описываемое время, затем ве-

дет речь о Польше, отношение к которой Пражского епископа было не последним и откуда он собственно и отправился в Пруссию, где и был убит язычниками. В четвертой главе А. Монич постарался показать роль епископа Войтеха в формировании другого среднеевропейского государства — Венгрии.

Во втором разделе диссертации изложена непосредственно сама жизнь и деятельность Адалтберта-Войтеха от его рождения, до посвящения в епископа, основания Пражской епископии в 973 году. Затем речь идет о его двукратном правлении Пражской кафедрой, о жизни в Риме, о возможном крещении им Венгерского короля Стефана I, о деятельности Адалтберта в Польше, его проповеди и гибели среди пруссов.

Пятая заключительная глава диссертации касается исторической значимости епископа Войтеха Пражского после его смерти, а также отображает весьма важный вопрос об отношении к епископу Адалтберту-Войтеху русской традиции.

Предпринятый исследовательский и обобщающий труд позволяет А. Моничу прийти к выводам, которые мы полностью разделяем, во-первых, что «... Войтех был представителем немецко-латинского религиозно-церковного сознания, и славянская религиозная традиция не встречала с его стороны ни признания, ни схождения», во-вторых, что «... Русская Православная Церковь не может принять в свои святцы Адалтберта-Войтеха не потому, что он, как некоторые говорят, “католик” (de jure 1054 год еще не наступил), и потому что за идеей канонизации стоит следующий шаг — его почитание, которого, как такового никогда не было на Руси...» (с. 204—205).

В целом диссертация производит очень благоприятное впечатление. Замечания, которые можно было бы высказать, незначительны, и касаются либо неточностей в латинском тексте (например, с. 100), либо допускаемых автором буквальных повторов одного и того же текста в разных частях диссертации (например, текст об императоре Оттоне с. 28 и с. 85; описание миссионерства у пруссов с. 35 и с. 129). Впервые на русском языке, православным исследова-

дователем рассмотрена совокупная деятельность одного из виднейших деятелей западного христианства эпохи миллениума не в духе филокатолического соглашательства, но и не в духе публицистического критиканства. Епископ Адалтберт предстает в диссертации фигурой яркой, трагической, значительной и противоречивой, каковой он и был в действительности. Опираясь на подобные исследования, сделанные в стенах Православной Духовной Школы, мы сможем без опасений за научную компетентность вести полемику с соответствующими католическими изысканиями в столь актуальной ныне области церковной истории.

Диссертация явно заслуживает быть опубликованной. Оценка «отлично».

7.2. ОТЗЫВ преподавателя П. К. ГРЕЗИНА на кандидатскую диссертацию выпускника Московской духовной академии А. И. МОНИЧА по кафедре Богословия на тему: «Жизнь и деятельность епископа Адалтберта (Войтеха) Пражского»

Диссертация А. Монича, посвященная теме «Жизнь и деятельность епископа Адалтберта (Войтеха) Пражского», имеет целью дать историко-критический анализ жизни и деятельности латинского миссионера X в. Войтеха Пражского с точки зрения возможности признания его как святого единой неразделенной Церкви.

Работа состоит из введения, пяти глав основной части, заключения, списка сокращений, целого ряда приложений: копии официальных писем, иллюстративный материал. Обширный библиографический раздел, включающий 163 наименования, содержит не только названия книг и статей, но также указания на различные документальные источники (летописи и хроники) на русском, славянском, латинском, немецком, чешском, польском, венгерском языках. Были использованы интернет-ресурсы. Общий объем текста работы без приложений составляет 220 страниц.

Автор осуществляет анализ в широком церковно-историческом контексте эпохи. Работа производит сильное впечатление: тема проработана глубоко и детально, исторический материал представ-

лен с достаточной полнотой. Диссертация показывает хорошее знание источников и литературы предмета. Изложенные факты представляют большой научный интерес.

Однако не менее сильное впечатление производит оформление работы: наличие значительного числа грамматических и стилистических ошибок. Автор легко и свободно обращается с запятыми, не считаясь с правилами грамматики и допуская почти на каждой странице от двух до восьми ошибок. Автор нередко отделяет подлежащее от сказуемого, а главные члены предложения от дополнения, выделяет обстоятельства места и времени или просто по настроению нанизывает запятые там, где придется. Иногда запятая, вопреки воле автора, меняет смысл предложения (см., например, с. 98). Диссертант допускает большое количество грамматических ошибок (например, «лютики» вместо «лютичи» — с. 130). Неправильно употребляет предлоги. И пр.

Автор диссертации допускает небрежность или разноречивость в написании имен. Так, королева Феофано (с. 25) названа Теофано (с. 26), или Феофанией (на с. 30). Также легко имя Дитмара меняется на Детмара (с. 69), Гауденций (с. 165) на Гаудентого (с. 167), Гаудентиуса (с. 190). В работе допущены повторы, наприм., большая сноска 121 полностью дублирует сноску 73. Имеются также опечатки (наприм., на с. 170), смысловые оговорки (с. 47, 54), невразумительные пассажи (с. 110).

Нельзя не отметить и те случаи, когда автор диссертации приводит отдельные цитаты и выражения на латинском языке (с. 62, 63, с. 90, примеч. 100, с. 110, примеч. 281), не снабдив их русским переводом.

В качестве главной цели своего исследования, определяющей замысел работы в целом, автор поставил задачу показать жизнь Адальберта Пражского с точки зрения возможности его канонизации в Православной Церкви и, пытаясь убедить читателя в святости пражского миссионера. А. Монич прибегает к приему многократного повтора «святой Войтех», «святой Адальберт», святой (с маленькой и с большой буквы), наприм., на с. 36, 41, 82, 109,

116. Особенно привлекают внимание те случаи, когда А. Монич пишет о Войтехе как о Святом с большой буквы (с. 173, 174), о западной церковной традиции (с. 61). При этом иногда он дает с маленькой буквы такие слова, как Церковь, Священное Писание (с. 73), Святой Гроб (с. 86), также с маленькой буквы Приснодева (с. 163), Святая Троица (с. 164), Бог (с. 165), Крещение Руси (с. 175), после рассказа о мученической смерти Войтеха автор работы в главе «Канонизация...» уже, видимо, считает, что святость чешского миссионера доказана и как само собой разумеющееся называет далее Войтеха святым: с. 142 (5 раз), 143 (9 раз), 144 (15 раз), 145 (4 раза), 157, 159, 160, особенно с. 166 — «могущественный святой», 168, 174 и в др. местах. На с. 176 автор говорит о мощах Войтеха, на с. 177 называет их святыней, на с. 203 (заключение) Войтех называется глубоким мистиком. Автор диссертации даже сожалеет, что глобальные планы Войтеха не осуществились («к сожалению, его планы не осуществились», с. 204), в приложении даже приводятся богослужебные особенности мессы на день памяти Адальберта.

В современной западной литературе есть тенденция изображать Адальберта Пражского исключительно как ревностного борца против язычества и работорговли, очень благородного миссионера среди язычников-славян (см.: Adalbert of Prague. New Catholic Encyclopedia. Vol. 1).

Но автор диссертации далек от подобной тенденциозности и односторонности. Войтех стремился к власти и господству не как миссионер, а как идеолог латинизации (с. 94), проводник экспансивной политики западных императоров на Востоке (с. 158, 159). Греческие православные обряды огорчали Войтеха (с. 67), он их отвергал и попираал, перекрещивая из греческой веры в католическую (с. 111, 112). Адальберт Пражский — причина гонений на православных (с. 117). Главной его целью было уничтожение славянской литургии и ее замена латинской. Церковные песнопения на славянском звучали для него, как языческие требы. Слово «Бог» напоминало ему языческого идола, а истинный Бог обозначался латинским

Deus (с. 248). Благодаря Адальберту в Чехии была создана латинская иерархия с целью латинизации страны и изгнания православных традиций, заложенных солунскими братьями (с. 249). Автор диссертации приводит мнение историка С. М. Соловьева: «Никто так не старался о скреплении Чешской Церкви с Западом, никто так не старался об искоренении славянского богослужения, как Войтех» (История России с древнейших времен: В 2 т. М., 1988. С. 183), а также А. В. Флоровского: «Войтех вошел в русскую традицию с репутацией «гонителя и хулителя и славянского письма, и восточно-христианской веры» (Чехи и восточные славяне: Очерки по истории чешско-русских отношений (X—XVIII вв.). Прага, 1935. С. 146). Диссертант приводит первые славянские сообщения о Войтехе, восходящие к «Сказанию о преложении книг на словенский язык», которое было использовано в летописном своде Сильвестра, Выдубецкого игумена (1116 г.): здесь Войтех характеризуется как искоренитель славянской традиции — в Моравии, Чехии, Польше «разруши веру правую и русскую грамоту отверже, а латинскую грамоту и веру постави (иконы пожже), а правья веры епископы и попы исьсече, а другья разгна» (с. 184).

Этот факт подтверждается и западными историками прошлого, связывающими «святость» Альберта пражского с его подчеркнuto агрессивным характером латинизации Чехии: искоренением греческих обрядов, в частности женатого духовенства, православной литургии, уничтожением православной литературы (Робертсон Д. С. История христианской Церкви. СПб., 1890. Т. 1. С. 963). Деятельность Адальберта всецело вписывалась в контекст религиозной экспансии германских миссионеров, для которых славянская литургия была признаком ереси, а свт. Мефодий — «еретиком, который писал много ложных книг на славянском языке» (там же, с. 963).

И в этой связи вызывает сомнение тезис диссертанта о том, что разрыв между восточной и западной половиной христианства не был «резко и окончательно признан и прочувствован» в ту далекую эпоху — X—XI вв. (с. 178). Несомненно, разрыв между

Православной Церковью и Католической для того времени нельзя преувеличивать, но его нельзя и умалять, если помнить об иконоборческой тенденции Карла Великого, о широком распространении Филиокве в VII—VIII вв. в Галлии, о свидетельстве патриарха Фотия об антиправославной деятельности западных миссионеров среди славян и т. д.

К вопросу о чудесах. Средневековые латинские хроники и сборники житий (наприм., «Золотая легенда» Жака Воражина XII в.) наряду с совершенно историческими повестями полны рассказов о самых невероятных чудесах, в этом не уступая порой известному современному жанру литературы — народный фольклор вплетается в историческое повествование. Но автор диссертации приводит чудесные рассказы из жизнеописания Войтеха без тени критики. Насколько это уместно?

С учетом всего сказанного позиция автора диссертации выглядит несколько двойственной и двусмысленной. Сказалось ли здесь влияние современной инославной литературы или стиль диссертанта — держать читателя в напряжении, — решить сложно. Однако же в заключении А. Монич расставляет все акценты и твердо заявляет, что Православная Церковь не может принять имя Войтеха в свои святцы (с. 205). Таким образом, автор снимает проблему, обнаруживая совершенное научное беспристрастие.

Итак, оценивая диссертацию А. Монича в целом, нельзя не отметить многих ее положительных моментов. Как большой обобщающий труд, отражающий многообразие научной проблематики, диссертация заслуживает признания, несмотря на недочеты в ее оформлении и манере подачи материала, а ее автор достоин высокой научной степени кандидата богословия.

8.1. ОТЗЫВ профессора протоиерея Владислава ЦЫПИНА на кандидатскую диссертацию выпускника Московской духовной академии монаха САВВЫ (Тутунова) по кафедре Церковно-практических дисциплин на тему: «Труды Поместного Собора 1917—1918 гг. по реформе епархиального управления и предсобор-

ная о ней дискуссия»

Кандидатская диссертация, представленная к защите, объемом 340 страниц, состоит из введения, 3-х частей («Постановка проблемы епархиального управления в канун 1905 г. Начало предсоборного периода», «Период подготовки к Собору: подготовительные работы и предсоборные дискуссии в 1905—1916 гг.» и «1917—1918 гг: непосредственная подготовка Собора и ее контекст. Собор»), разделенных на 13 глав и 28 параграфов. В работе помещено 10 приложений, включающих текст цитируемых в диссертации канонов, документы предсоборной эпохи и самого Собора, объемом 56 страниц. Список литературы включает 19 наименований архивных материалов, 17 названий основных источников и 206 наименований иных источников и собственно литературы по тематике исследования.

Рецензируемый труд представляет собой вполне самостоятельное фундаментальное исследование. В нем с необходимой полнотой и концептуальной основательностью представлено устройство епархиального управления в Русской Церкви в синодальную эпоху, в период подготовки Поместного Собора, начавшегося в 1905 г. и после Февральской революции в канун Поместного Собора, и, что не менее важно, изложены проекты преобразования порядка епархиального управления, которые выдвигались в предсоборную эпоху. В изложении основных идей этих проектов, в оценке их реализуемости и целесообразности автор диссертации обнаруживает и научную объективность, и корректность, чуждую публицистического пафоса, и способность к глубокому и тонкому каноническому анализу.

При чтении работы может возникнуть обманчивое впечатление, что она имеет своего рода реферативный характер, что большая часть текста представляет собой всего лишь изложение чужих концепций, что автор лишь иногда вторгается своими сдержанно критическими замечаниями в очерк этих концепций, но эти его замечания всегда метки, точны и уместны. За ними стоит адекватное понимание проблем епархиального управления, которые, как диссертанту удалось показать, связаны не только с общими дефектами синодальной

системы управления, с избыточным влиянием государственных инстанций на церковную жизнь, но и с чрезмерно большими размерами российских епархий, которые делали неизбежным остро критиковавшийся многими канцелярский способ управления, — пражущий архиерей не имел возможности войти лично в религиозную жизнь подведомственных ему приходов, число которых в епархии часто превышало тысячу.

В диссертации объективно и полно представлена соборная дискуссия по вопросу о епархиальном управлении, изложено с должной канонической оценкой содержание принятого Собором 1917—1918 гг. определения о епархиальном управлении и нескольких других определений, соприкасающихся с тематикой диссертации, в частности, о vicарных епископах, статус которых Поместный Собор предлагал радикально изменить. Диссертант показал зависимость некоторых положений Определения о епархиальном управлении, канонически безупречных, от фактически сложившегося ко времени открытия Собора, при Временном правительстве, положения церковных дел, в особенности тут имеется в виду санкционированная Св. Синодом еще до Собора выборность епископов на епархиальных съездах.

Представленный к защите труд отличается примерной аккуратностью в цитировании, сносках, библиографических списках.

Он заслуживает самой высокой оценки. Его автору следует присвоить степень кандидата богословия. Можно сказать и больше; даже без дополнительной работы над диссертацией она могла бы быть представлена к защите в качестве магистерской. Во всяком случае, настоящее солидное исследование, автор которого может быть признан вполне сложившимся профессиональным канонистом, следовало бы опубликовать; эта работа могла бы составить основу для академического спецкурса по теме, обозначенной в ее заглавии.

8.2. ОТЗЫВ преподавателя священника Александра ЗАДОРНОВА на кандидатскую диссертацию выпускника Московской духовной академии монаха САВВЫ (Тутунова) по

кафедре Церковно-практических дисциплин на тему: «Труды Поместного Собора 1917—1918 гг. по реформе епархиального управления и предсоборная о ней дискуссия»

Представленная работа являет собою отрадное явление не только нашей канонической науки (в рамках которой написано исследование), но и изучения новейшей истории Русской Церкви. Собственно, взаимодействие двух этих областей обусловило специфическое расположение материала в работе, где анализ предсоборной дискуссии по реформе епархиального управления занимает больший объем, чем собственно рассмотрение соборных деяний.

Среди возможных улучшений работы, при дальнейшем исследовании данной темы, можно отметить желательность более подробного исследования эволюции взглядов отдельных персоналий, наиболее ярко повлиявших на реформу епархиального управления. К примеру, как показывает исследователь, решающее значение на последних этапах реформы (в Предсоборном Совете и в соборном Отделе) имел А. И. Покровский. Его взгляды на реформу церковного управления были ими выражены и ранее — в процессе предсоборных дискуссий (с. 58, 75, 77—78, 101). Было бы полезно проследить постепенное становление и эволюцию его взглядов, сопоставить мнения, высказанные им в различное время и по различным аспектам реформы церковного управления — не только епархиального.

Сходное замечание можно сделать, к примеру, в отношении И. М. Громогласова, Н. П. Аксакова, Н. А. Заозерского и других персоналий. Впрочем, заметим, что автор исследования все же частично проводит такую линию развития в отношении различных персоналий (см., например, на с. 144 и 193 в отношении протоиерея А. В. Смирнова), но стоит, наверное, углубить этот аспект исследования.

Основной недостаток — а вернее, основная перспектива развития данной работы отмечена и самим автором исследования в заключении к работе (с. 272). Связана она с узостью поставленной темы: вопрос о епархиальном управлении в действительности за-

труднительно исследовать в отрыве от вопросов о реформе высшего церковного управления и приходского управления. На самом деле, весь материал предсоборных дискуссий, касающийся церковного управления в его различных пластах, следовало бы исследовать в комплексе. К примеру, вопросы об участии мирян в высшем, епархиальном или приходском управлении являются хотя и не тождественными, однако неразрывно связанными.

Можно выразить еще два пожелания, относящиеся к области исследования и цели, определенных автором.

Рецензируемая работа является историко-каноническим исследованием, что определяет область исследования. Следует, однако, заметить, что многие затронутые вопросы имеют догматическую составляющую. К примеру, для всестороннего исследования вопроса о епархиальных собраниях и советах можно было бы провести исследование догматического определения понятия соборности. Равным образом, относительно вопроса об участии мирян на различных уровнях епархиального управления и, в частности, при избрании епископа, следовало бы уяснить догматическое значение царственного священства мирян, догматический вопрос об отношении священной иерархии и мирян. Хотелось бы, чтобы при дальнейшем исследовании вопроса о реформе церковного управления догматический аспект был всесторонне исследован, что, вероятно, потребует привлечения специалистов различных ветвей богословской науки.

Главной целью автора рецензируемой работы — определение смысла итоговых документов реформаторского процесса — Определений Всероссийского Церковного Собора 1917—1918 гг. Эта цель, без сомнения, автором выполнена. Хотелось бы, однако, наметить и дальнейшую цель: осуществить оценку осуществленной Собором реформы с точки зрения совокупности двухтысячелетней истории церковного управления и кропотливого историко-канонического и богословского анализа канонических установлений по этому вопросу.

Из практических пожеланий можно предложить автору устра-

нить имеющиеся опечатки и несколько облегчить свой литературный стиль — в поисках наиболее точного и обстоятельного выражения своей мысли, автор иной раз чрезмерно нагружает предложения.

Можно указать на желательность составления краткого биографического справочника по упомянутым в работе персоналиям и именного указателя. Конечно, в данном случае это увеличило бы и без того уже очень значительную по объему работу.

В целом, предпринятое диссертантом исследование, конечно же, заслуживает присвоения ему искомой степени.

9.1. ОТЗЫВ преподавателя иеромонаха ПАНТЕЛЕИМОНА на кандидатскую диссертацию выпускника сектора заочного обучения Московской духовной академии иерея Михаила ЕГОРОВА по кафедре Церковно-практических дисциплин на тему: «Организационно-правовые аспекты сотрудничества Русской Православной Церкви с исправительными учреждениями и особенности его реализации в современных условиях»

Уже более 15 лет священнослужители Русской Православной Церкви получили возможность окормлять заключенных в местах лишения свободы. За этот период был принят ряд соглашений о сотрудничестве Русской Православной Церкви с исправительными учреждениями. Однако до сих пор организационно-правовая сторона этого сотрудничества далека от совершенства и является часто немалым препятствием для плодотворного миссионерского служения в местах лишения свободы.

Изучению этой проблематики и посвящена кандидатская диссертация священника Михаила Егорова.

Диссертация представляет собой труд объемом 138 страниц компьютерного текста и в плане построения состоит из введения, двух глав, заключения и приложений.

Во введении обоснована актуальность темы исследования, представлен обзор литературы, включающей светские и церковные издания, определены цели, задачи и методы исследования.

Первая глава «Общая характеристика сотрудничества Русской

Православной Церкви с исправительными учреждениями» состоит из трех параграфов, в которых анализируется отечественный опыт развития сотрудничества Церкви и государства в деле тюремного служения на протяжении почти 100 лет — от открытия «Попечительного о тюрьмах общества» в 1819 г. до революции 1917 г. (параграф 1). Далее автор обращается к современному зарубежному опыту такого сотрудничества на примере пенитенциарных учреждений США, Великобритании и Польши и обосновывает возможность и определяет границы использования положительных моментов этого опыта в нашей стране (параграф 2). В параграфе 3 отец Михаил дает сравнительный анализ значений понятий «взаимодействие» и «сотрудничество» применительно к отношениям между РПЦ и исправительными учреждениями и отдает предпочтение последнему термину. Здесь же автор рассматривает существующие в современном мире модели религиозно-государственных отношений и в ретроспективном плане анализирует изменение этих отношений в России на протяжении XX века.

Во второй главе «Проблемы в реализации сотрудничества Русской Православной Церкви с исправительными учреждениями и путь их решения» священник Михаил Егоров на основании анализа результатов проведенного им анкетирования по различным вопросам сотрудников пенитенциарной системы и священнослужителей РПЦ дает развернутую картину современного состояния дел по реализации существующих соглашений о сотрудничестве на различных условиях, оценивает препятствия, стоящие на пути плодотворного и эффективного сотрудничества Русской Православной Церкви с исправительными учреждениями. В частности, это — отсутствие в существующем уголовно-исправительном законодательстве положений, регламентирующих сотрудничество исправительных учреждений с религиозными организациями; отсутствие разработанной систем типовых договоров, недостаток методических рекомендаций для священнослужителей, окормляющих заключенных в местах лишения свободы. Автор предлагает пути совершенствования системы взаимоотношений Русской Православной Церкви и

исправительных учреждений, среди наиболее актуальных на данный момент — введение в исправительных учреждениях должности сотрудника, отвечающего за связи с РПЦ, и создание института капелланства. В конце главы диссертант в качестве иллюстрации к основной теме сочинения приводит примеры благотворного влияния Русской Православной Церкви в местах лишения свободы как на общий нравственный климат этих учреждений, так и конкретно на души осужденных.

Важнейшие итоги работы подведены в заключении.

В основу библиографии положен тематический принцип — в диссертации использовано более 100 источников.

В приложениях помещены договоры соглашений о сотрудничестве Русской Православной Церкви с исправительными учреждениями, принятые на различных уровнях, приведен образец анкеты для опроса священнослужителей, окормляющих заключенных в исправительных учреждениях, результаты которых автор использовал в своей работе, предложены рекомендации и советы священникам, осуществляющим миссию в местах лишения свободы.

Оценивая диссертацию священника Михаила Егорова, следует признать, что автор проделал грандиозную работу как по изучению специальной светской литературы, так и в процессе анкетирования, по-видимому, многочисленных респондентов-священнослужителей и сотрудников пенитенциарной системы. В результате его диссертация имеет высокий научный уровень и может найти реальное практическое применение в развитии организационно-правовой базы сотрудничества Русской Православной Церкви и исправительных учреждений. Новизна работы несомненна. В ходе работы над диссертацией автор продемонстрировал широкую эрудицию и глубокий аналитический ум.

К недостаткам диссертации следует отнести некоторую сложность текста для восприятия. Структура диссертации чересчур громоздкая и размытая, что также затрудняет ясное понимание основной цепи рассуждений автора. Обилие фактического материала, множество второстепенных деталей часто не позволяли автору вы-

страивать стройную систему умозаключений, которая бы раскрывала перед читателем в строгой логической последовательности проблематику вопроса.

Несмотря на эти замечания, возможно субъективного характера, диссертация священника Михаила Егорова заслуживает высокой оценки, а ее автор — исковой степени кандидата богословия.

9.2. ОТЗЫВ преподавателя К. А. ЧЕРНЕГИ на кандидатскую диссертацию выпускника сектора заочного обучения Московской духовной академии иерея Михаила ЕГОРОВА по кафедре Церковно-практических дисциплин на тему: «Организационно-правовые аспекты сотрудничества Русской Православной Церкви с исправительными учреждениями и особенности его реализации в современных условиях»

Настоящая диссертация посвящена достаточно важной и актуальной теме сотрудничества Русской Православной Церкви с исправительными учреждениями (ИУ).

Работа содержит две главы, в которых последовательно раскрываются особенности и проблемы вышеупомянутого сотрудничества.

К числу основных достоинств работы следует отнести: широкое использование в ней статистических данных по избранной теме; выявление и анализ позиций различных авторов по спорным вопросам сотрудничества Церкви с ИУ; использование в работе доступных автору правовых источников и документов, в том числе соглашений о сотрудничестве, заключенных между Русской Православной Церковью (ее структурами) и государственными органами, в ведении которых находятся ИУ.

Автор демонстрирует умение самостоятельно анализировать и обобщать изученный материал, сопровождая анализ собственными выводами и комментариями.

Вместе с тем в работе имеются следующие недостатки.

Содержание работы не вполне соответствует избранной автором теме: правовые аспекты сотрудничества Русской Православной Церкви с исправительными учреждениями практически не исследу-

ются; предпочтение отдано социологическому аспекту данного сотрудничества (анализу социологических опросов). На мой взгляд, следовало бы иначе структурировать работу: включить в нее параграф, посвященный обзору правовых источников по избранной теме; четко перечислить все возможные организационно-правовые формы сотрудничества, обосновав их классификацию ссылками на конкретные статьи закона.

Из всех организационно-правовых форм сотрудничества подробно проанализирована лишь такая форма, как заключение соглашений между государственными органами и Русской Православной Церковью (ее структурами). Между тем, следовало бы проанализировать и другие формы сотрудничества, в частности, создание в ИУ домовых храмов, что не предусмотрено действующим законодательством (соответствующих норм нет ни в УИК РФ, ни в правилах внутреннего распорядка следственных изоляторов, утвержденных Приказом Министерства юстиции РФ от 12 мая 2000 г. № 148), однако имеет место на практике. Полагаю также, что не вполне раскрыта еще одна важная форма сотрудничества, а именно распространение в ИУ духовной литературы и предметов религиозного назначения. Автору следовало бы раскрыть правовое понятие духовной литературы и предметов религиозного назначения (существует ли оно и в каких правовых источниках закреплено), охарактеризовать возможные формы распространения.

Некоторые утверждения автора не вполне точны либо не подтверждаются необходимым анализом (голословны). Например, на с. 62 работы говорится о том, что «Федеральный закон «О свободе совести и о религиозных объединениях» разделяет существующие в стране конфессии на традиционные и нетрадиционные». Однако в нормах упомянутого закона разграничение конфессий на традиционные и нетрадиционные отсутствует. В тексте преамбулы закона подчеркивается «особая роль православия в истории России, в становлении ее духовности и культуры», декларируется «уважение государства к христианству, исламу, буддизму, иудаизму и другим религиям, составляющим часть исторического и культурного наследия

народов России». Но данные положения преамбулы не содержат ни единого упоминания о традиционных и нетрадиционных религиях. На с. 64 работы автор утверждает, что «с принятием Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» был поставлен действенный заслон на пути проникновения в Россию, в частности, в ИУ зарубежных церквей и сект, деятельность которых носит деструктивный характер». Данное утверждение следовало бы подкрепить ссылками на конкретные нормы закона, которые автор имеет в виду.

Несмотря на указанные недостатки, настоящая работа удовлетворяет требованиям, предъявляемым к диссертационным исследованиям, и может быть допущена к защите.

10.1. ОТЗЫВ профессора протоиерея Владислава ЦЫПИНА на кандидатскую диссертацию выпускника сектора заочного обучения Московской духовной академии протоиерея Александра ПАНИЧКИНА по кафедре Церковной истории на тему: «История Санкт-Петербургской епархии до 1775 года»

Представленная к защите диссертация протоиерея Александра Паничкина объемом 296 страниц состоит из введения, 11 глав, разделенных на параграфы, заключения. Список использованных документов и литературы включает 112 наименований. Работа иллюстрирована.

Рецензируемая диссертация носит самостоятельный исследовательский характер, построена на документах, почерпнутых главным образом из многотомного «Описания документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего Правительствующего Синода», из других опубликованных собраний документов и из архивов. При этом автор диссертации обнаружил и основательное знание литературы по своей теме. В результате получился труд, информативно насыщенный, представляющий историю одной из важнейших епархий Русской Церкви в первый период ее существования, до соединения с Новгородской епархией, со значительной полнотой. Характеристики и выводы диссертанта продуманы, взвешены,

солидны и опираются на документально подтвержденные факты. В работе много ценных статистических сведений.

У рецензента есть лишь несколько замечаний частного характера. Со стороны тематической представляется избыточным включение в диссертацию полных биографий архиереев, замещавших Санкт-Петербургскую кафедру, в особенности это относится к обстоятельной биографии первого архиерея епархии епископа Никодима (Сребницкого), лишь малая часть которой относится ко времени его управления Петербургской епархией.

Что касается оценок тех или иных событий и явлений церковной жизни, то, как представляется рецензенту, канонический дефект синодальной системы заключался не только в ее коллегиальности, в устранении полноценного Первосвятительского служения в Русской Церкви соответствующей эпохи, как это видится автору диссертации, но также и в отсутствии соборной власти, которую не могла адекватно заменить «духовная коллегия» — Святейший Синод.

На с. 152 диссертант худшим недостатком в миссионерском служении Новокрещенской конторы Казанской епархии считает денежные субсидии новообращенным, а не насильственные меры, вроде разрушения мечетей. Рецензент же не считает безусловно предосудительным оказание материальной помощи новокрещеным, которые после крещения лишались поддержки со стороны своих прежних единоверцев и соплеменников.

На с. 188 в излишне мрачном виде представлены нравы духовенства. Примеры, достойные подражания, даны здесь как своего рода исключения из правила. Есть особенность архивных документов фиксировать эксцессы, а не нормальное течение жизни. Отсюда порой и возникают диспропорции, искажения в характеристиках, которые дают исследователи, опирающиеся на документы и не учитывающие такую их особенность.

Есть еще несколько неточных выражений в диссертации. На с. 136 говорится о браковенчании царя Петра III. Надо: наследника престола, который стал впоследствии императором Петром III. На с. 192 приведены статистические данные, характеризующие состояние

Санкт-Петербургской епархии за 1737 г., но тогда еще, как это хорошо знает диссертант, не было образовано самой этой епархии.

Преподобного Феодора Санакарского автор диссертации называет старцем Феодором Ушаковым, что дает повод полагать, что автор не знает о факте его канонизации.

Есть в работе опечатки. Одна из них может вводить читателя в заблуждение: «Прусский поход» Петра I вместо «Прутского». Вызывает недоумение часто встречающееся у диссертанта употребление слова «владыка» в звательном падеже «владыко» вместо именительного.

Но все это частности. Работа протоиерея Александра Паничкина заслуживает отличной оценки, а ее автор присвоения ему степени кандидата богословия.

10.2. ОТЗЫВ преподавателя Г. Е. КОЛЫВАНОВА на кандидатскую диссертацию выпускника сектора заочного обучения Московской духовной академии протоиерея Александра ПАНИЧКИНА по кафедре Церковной истории на тему: «История Санкт-Петербургской епархии до 1775 года»

Представленная протоиереем Александром Паничкиным диссертация посвящена мало до сих пор изученному периоду истории Санкт-Петербургской епархии. Автор успешно справился с поставленной задачей. История Санкт-Петербургской епархии до 1775 года рассмотрена им полно, всесторонне, с привлечением значительного количества источников.

К недостаткам диссертации можно отнести:

несколько незначительных фактических ошибок, не влияющих серьезно на ценность представленной диссертации;

ряд стилистических ошибок;

несколько ошибок, допущенных при наборе текста, которые местами затрудняют его понимание.

Нельзя согласиться с однозначно положительной трактовкой автором диссертации образа святителя Арсения (Мациевича). Митрополит Арсений много, искренне и дерзновенно говорил и ра-

товал о пользе Церкви. Однако сам, когда у него была возможность, мало что для этого делал. Будучи митрополитом Ростовским, он обладал значительными финансовыми возможностями, которые использовал отнюдь не на благо Церкви. Это обстоятельство дало императрице Екатерине II возможность говорить о нем, как о «превеликом лицемере». Великие страдания митрополита Арсения изменили его в лучшую сторону, что выразилось в сделанной им незадолго до смерти надписи на стене его каземата: «Благо, яко смирил мя еси»,

Невозможно согласиться с утверждением автора, что с воцарением Елизаветы Петровны «Высшие государственные чиновники, в том числе и обер-прокурор Синода князь Шаховской... стали заискивать перед синодальными членами. У кормила церковной власти стали иерархи, для которых интересы Церкви были гораздо выше личных интересов» (с. 53). В этом утверждении неверно, на наш взгляд, все. Нельзя согласиться, что иерархи Елизаветинской эпохи «ставили интересы Церкви гораздо выше собственных интересов». На деле часто было наоборот. Собственные корыстные интересы некоторых иерархов отождествлялись ими с интересами Церкви, с которыми они не имели ничего общего. Именно в эту эпоху стены древних и славных обителей начинают ветшать, а церковные иерархи тратят громадные средства на пышные внебогослужебные одеяния, золотые, усыпанные бриллиантами пряжки на обувь, золоченые кареты, породистых жеребцов и т. п. Нельзя согласиться с утверждением автора диссертации о том, что эта пышность способствовала поднятию авторитета архиерейского сана. Напротив, из мемуаров XVIII столетия мы видим, что стремление церковных иерархов соперничать в роскоши со светскими вельможами как раз сильно ослабляло авторитет носителей архиерейского сана, прежде всего среди образованной части общества. Обер-прокурор Святейшего Синода князь Яков Шаховской по своему положению не относился к высшим государственным чиновникам. Более того, он во многом зависел от членов Синода, который платил ему жалование. Тем более достойна восхищения его неустанная борьба со злоупотреблениями синодальных иерархов. Совершенно неверно

утверждение, что Шаховской заискивал перед ними. Следует подчеркнуть, что, борясь со злоупотреблениями иерархов, он стоял на страже интересов не только государства, но и Церкви. Имя князя Якова Шаховского должно быть упоминаемо с уважением.

Диссертация протоиерея Александра Паничкина заслуживает отличной оценки. Автору может быть присуждена искомая степень кандидата богословия.

11.1. ОТЗЫВ профессора А. М. ПЕНТКОВСКОГО на кандидатскую диссертацию выпускника сектора заочного обучения Московской духовной академии священника Георгия КРЫЛОВА по кафедре Церковно-практических дисциплин на тему: «Историко-литургический анализ печатных богослужебных Миней XVII в.»

Диссертация священника Георгия Крылова посвящена изучению сложного и длительного процесса редактирования богослужебных Миней, происходившего в XVII веке в Москве в связи с подготовкой новых печатных изданий и обусловленного деятельностью компетентных церковных властей по упорядочиванию богослужения в Русской Церкви.

Диссертация состоит из введения, основной части, состоящей из трех частей (глав), краткого заключения (выводов), библиографии со списком использованных сокращений, а также приложения.

Во введении определены цели и задачи исследования: «введение в научный оборот, описание и анализ корректных экземпляров Миней», которые служат основными источниками для характеристики деятельности по редактированию богослужебных книг. Представлен краткий обзор различных аспектов истории изучения книжной sprawy (с. 5—12). Здесь же литургическая реформа XVII века рассмотрена с семиотической и культурологической точек зрения (с. 13—55).

В первом разделе основной части (с. 56—74), озаглавленном «Обзор книжной sprawy служебных Миней в XVII в.», приведены основные сведения по истории редактирования богослу-

жебных книг в Русской Церкви в XI—XVII вв. (с. 56—63), а также о деятельности книжных справщиков второй половины XVII века, принимавших участие в редактировании служебных Миней (с. 63—74: Евфимий Чудовский, Флор Герасимов, Захарий Афанасьев, Никифор Симеонов, игумен Сергей и старец Моисей).

Далее автор подробно останавливается на истории издания служебных Миней в Москве в XVII столетии. Здесь рассматриваются издания служебных Миней архаичных редакций (с. 76—87), в том числе Минеи изданий 1607—1636 гг. («филаретовская» редакция), Минеи «иосифовской» редакции 1644—1646 гг. и Минеи издания 1666 г. с правкой, отражающей нововведения патриарха Никона.

Особое внимание автор уделяет «исправленным» Минеям в «новооградской» редакции текста. Он подробно рассматривает историю издания Миней 1690—1691 гг., которое происходило при участии справщика Евфимия Чудовского, и тщательно анализирует знаменитое сочинение бывшего уставщика Чудовского монастыря, которое не только содержало исторические сведения о ходе справки, но и отражало лингвистические установки Евфимия Чудовского.

Затем автор рассматривает Общие и Праздничные Минеи XVII века (с. 165—180), разделяя их на редакции по отношению к редакциям текстов служебных Миней.

Второй раздел основной части посвящен описанию главных источников по истории книжной справки — «кавычных» Миней, сохранившихся в библиотеке Синодальной типографии и в Синодальной библиотеке (с. 180—233), многие из которых ранее были неизвестны. Здесь же автор впервые вводит в научный оборот обнаруженный им уникальный «кавычный» экземпляр августовской служебной Минеи, связанный с книжной справой 20-х годов XVII века.

Третий раздел (с. 233—257) основной части содержит результаты изучения книжной справки 80-х гг. XVII века, проведенного на примере анализа июльской служебной Минеи. На основании полученных результатов был сделан вывод о том, что в процессе ре-

дактирования Минеи сверялись с Типиконом 1682 г. и греческими Минеями, а недостающие церковнославянские тексты песнопений брались из львовского Анфология и исправлялись.

В кратком последнем разделе (с. 258—159) автор суммирует результаты своих исследований, а также указывает основные направления дальнейшего изучения такого сложного и многогранного явления, как редактирование богослужебных книг в XVII столетии.

На с. 260—299 находится большой «Список использованной литературы», в который входят различные работы, в том числе и не всегда связанные с вопросами книжной справки в XVII столетии. Далее на десяти страницах следует список использованных рукописных и печатных источников (с. 299—309). В приложении приведены 25 уникальных цветных фотовоспроизведений из использованных источников, иллюстрирующих процесс деятельности книжных справщиков.

Краткий обзор содержания этой работы показывает, что автором проделана большая работа по изучению такого сложного и многогранного явления, каким было исправление богослужебных книг в Русской Церкви в XVII столетии. Использование различных типов источников, а также комплексное изучение «кавычных» экземпляров, позволило автору сделать выводы, справедливость которых не вызывает сомнений, и определить последовательность редактирования текстов.

Тем не менее некоторые отдельные предположения автора вряд ли могут быть приняты. Например, едва ли справедливо видеть служебную Минею в греческой рукописной книге, отмеченной в Описи патриаршей ризницы 1631 г. под № 61 как «Книга, письмо греческое, а в ней во многих местах писаны в золоте евангелисты, и апостолы, и пророки, и иные святые». Более убедительным представляется мнение составителя каталога греческих рукописей Синодального собрания, отождествившего этот кодекс с пергаменной рукописью Син. Греч. 25, содержащей Новый Завет с Псалтырью и Библейскими песнями (с. 183).

Далее, по вполне понятным причинам, определяющим фактором для автора при характеристике различных изданий Минеи Праздничной с Общей была редакция гимнографических текстов. Но при этом не всегда учитывались изменения в текстах литургических рубрик. Например, автор полагает, что редакция уставных указаний в Минеи Праздничной 1681 г. совпадает с редакцией уставных указаний в Минеи Общей 1674 года (с. 177), а в издании 1685 г. уставные рубрики уже были исправлены под влиянием Типикона 1682 г. (с. 178). Тем не менее в Минеи Праздничной 1681 г. в текстах Марковых глав, содержащих описание соединения служб богородичных праздников и памятей великих святых с воскресной службой, имеются некоторые характерные отличия, обусловленные влиянием отредактированного текста Устава о чтении Псалтыри, печатавшегося в Псалтырях (см., например, различия этого текста в Псалтыри Следованной 1671 г. и в Псалтыри Учебной 1678 г.). Другими словами, сначала нововведения попали в уставные рубрики Минеи Праздничной, и только потом в печатный Типикон 1682 г.

Вызывают определенные сомнения отдельные технические термины, используемые автором, как, например, «филология справки», а также некоторая эмоциональность отдельных высказываний. Однако эти и некоторые другие неточности не умаляют достоинств рассматриваемой работы, которая заслуживает положительной оценки, а ее автор — присвоения искомой степени. Здесь необходимо отметить, что осознаваемая и отмечаемая автором неполнота освещения материала предполагает продолжение исследовательской деятельности, результаты которой позволят соискателю существенно уточнить полученные результаты. Вопрос же о публикации данного текста не может рассматриваться, так как рассматриваемый текст нуждается не только в редактировании, но и в определенной доработке для того, чтобы быть изданным.

11.2. ОТЗЫВ преподавателя Ф. Б. ЛЮДОГОВСКОГО на кандидатскую диссертацию выпускника сектора заочного обучения Московской духовной академии священника Георгия КРЫЛОВА по кафедре Церковно-практических дисциплин на тему: «Историко-литургический анализ печатных богослужебных Минеи XVII в.»

Тема диссертационного сочинения священника Георгия Крылова представляется весьма актуальной и своевременной. Несмотря на большое количество исследований, посвященных проблематике книжной справки XVII в., исправление богослужебных Минеи, осуществлявшееся в указанном столетии, не привлекало должного внимания специалистов (впрочем, подобная ситуация характерна и для многих других текстов). Между тем в настоящее время усилиями отдельных исследователей создается описание служебных Минеи и минейных текстов различных эпох. Так, в работах М. Йовчевой, А. М. Пентковского и других болгарских и российских ученых рассматриваются гимнографические произведения древнеболгарских авторов (прежде всего, Климента Охридского). Защищенная две недели назад диссертация А. Ю. Никифоровой посвящена вопросу происхождения греческих служебных Минеи (материалом исследования явились рукописи из собрания монастыря Св. Екатерины на Синае). Автором данного отзыва проанализирована ситуация использования минейных текстов в России в последние десятилетия, очерчены границы современного церковнославянского минейного корпуса. Таким образом, диссертация священника Георгия Крылова находится в ряду исследований, посвященных служебным Минеям, и вносит существенный вклад в интенсивно разрабатываемую проблематику.

Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списков литературы и источников, а также приложения.

Во введении формулируются цели и задачи исследования, а также дается очерк литургической реформы XVII в. в семиотическом и культурологическом аспектах. Нельзя не отметить, что большая часть введения, к сожалению, избыточна и представляет собой ком-

пиляцию работ известных авторов — прежде всего Б. А. Успенского и Ю. М. Лотмана.

В первой главе дается общий обзор исправления служебных Миней в XVII столетии. Даны биографические сведения о справщиках, разработана периодизация книжной справки, классификация редакций. В состав первой главы включен также подробный разбор трактата Евфимия Чудовского «О исправлениях в прежде печатных книгах Минеях...».

Вторая глава посвящена источникам (по преимуществу печатным, но отчасти и рукописным); многие из рассматриваемых источников (прежде всего корректные экземпляры Миней) впервые вводятся в научный оборот — и именно в этом автор не без оснований видит главную заслугу своей работы.

Наконец, третья глава представляет собой детальный анализ правки июльского тома Миней. С точки зрения потребителя научной информации данная глава является наиболее ценной, так как содержит конкретный материал, анализ которого позволяет судить о характере исправлений, вносившихся в текст минейных служб. Остается пожелать, чтобы автор продолжил работу в данном направлении — в таком случае исследователи со временем имели бы в своем распоряжении аналогичный материал по всем двенадцати месяцам.

В заключении диссертации формулируются выводы.

Библиографический список литературы содержит порядка 1000 позиций; автор пользовался литературой как на русском, так и на иностранных языках (на английском, немецком, французском, итальянском, чешском, болгарском, новогреческом, а также на латыни).

Количество использованных источников текстов — славянских и греческих, печатных и рукописных — приближается к двумстам.

Приложение представляет собой фотокопии некоторых документов.

Поскольку кандидатская диссертация является научно-квалификационной работой, нельзя оставить без внимания представление материала, оформление работы и проч. Здесь с сожалением при-

ходится констатировать, что стиль многих разделов диссертации не может быть признан научным. Сказывается отсутствие школы, необходимой выучки в написании научных работ — сначала курсовых, затем диплома и, наконец, диссертации. Данный недостаток, досадный сам по себе, не может быть, однако, поставлен в вину лично автору диссертации, так как причина коренится в системе написания так называемых сочинений, когда студенты семинарии пишут по две, три, четыре работы в год на совершенно различные темы, не имея возможности сосредоточиться на чем-то одном, — в результате на выходе получаются компиляции из двух-трех источников, заранее известных преподавателю. Лишь тогда, когда студенты начнут писать полноценные курсовые работы, логическим продолжением которых становился бы диплом и затем диссертация, мы сможем ожидать появления работ, удовлетворительных в отношении не только содержания, но и формы.

Следует подчеркнуть, что этот и некоторые другие недостатки рассматриваемой работы не сказываются на общем благоприятном от нее впечатлении. Автор уверенно владеет материалом, ориентируется как в богословской, так и в филологической проблематике — несмотря на то, что не имеет специального филологического образования. Священник Георгий Крылов сложился как самостоятельный квалифицированный исследователь. Его работа в целом соответствует требованиям, предъявляемым к кандидатским диссертациям, научный уровень ее весьма высок, а автор заслуживает искомой степени.

Кроме того, представляется возможным и желательным, чтобы после необходимой доработки данная диссертация была защищена в качестве диссертации по филологии.

12.1. ОТЗЫВ преподавателя Р. М. КОНЯ на кандидатскую диссертацию выпускника сектора заочного обучения Московской духовной академии священника Сергея РАДАЕВА по кафедре Богословия на тему: «Разбор книги Мельникова “Блуждающее богословие”»

Представленная к защите священником Сергеем Радаевым кандидатская диссертация состоит из введения, семи глав, в которых раскрывается содержание темы работы, заключения, библиографии и приложения. Общий объем диссертации составляет 182 страницы, из них 158 страниц авторского текста.

Во введении дается сжатая характеристика идеологии старообрядческого раскола, подтолкнувшей часть раскольников к необходимости восстановления иерархии, появление которой положило начало целому ряду полемических сочинений как с православной, так и старообрядческой стороны. Одним из таких сочинений стала книга представителя австрийского согласия Ф. Е. Мельникова «Блуждающее богословие». Мельников предпринял попытку показать, что старообрядцы отделились от Русской Церкви не по обрядовым причинам, а по догматическим, и этим его сочинение выделяется из всей полемической старообрядческой литературы начала XX века, так как до него среди раскольников такие идеи не высказывались и сами старообрядческие полемисты признавали, что обвинять в еретичестве Русскую Православную Церковь нет оснований (с. 7). Опровержению обвинений, высказанных Мельниковым в адрес Русской Православной Церкви, посвящена работа священника Сергия Радаева.

Раскрытию темы диссертации предшествует обзор разработанности данного вопроса в православной, старообрядческой и светской литературе. Особое внимание автор уделяет рассмотрению очерка Н. А. Виноградского «Замечание на книгу Мельникова "Блуждающее богословие"». На основании обзора литературы, а также личного опыта встреч и бесед со старообрядцами, которые полагают, что труд Мельникова является до сего времени непревзойденным образцом полемики с Русской Церковью, автор приходит к заключению, что дореволюционные церковные полемисты не дали исчерпывающего ответа на вопросы, поставленные Мельниковым, и предлагает свою методологию критики старообрядческих аргументов против истинности Православной Церкви.

Для лучшего понимания сочинения Мельникова автор в пер-

вой главе пытается составить исторический портрет старообрядческого полемиста на фоне его времени. Поскольку Мельников выступал с идеей объединения старообрядцев разных толков, то одну из серьезных опасностей на этом пути он видел со стороны миссионерской деятельности Русской Церкви. Он понимал, что у нее более основательные позиции в споре о законности иерархии, поэтому Мельников стремился ослабить позицию Православной Церкви, пытаясь переключить внимание своих читателей на мнимые внутренние противоречия в ее богословии. Его сочинение «Блуждающее богословие» должно было показать старообрядцам, что Русская Церковь не может считаться серьезным препятствием для объединения старообрядцев по причине якобы имеющих место догматических заблуждений в ее учении. Однако появление этой книги было неоднозначно воспринято и самими старообрядцами белокриницкого согласия, поскольку в ней предпринималась попытка доказать, что Русскую Церковь отделяет от старообрядчества не обряд, а догматические разногласия, с чем многие старообрядцы были не согласны.

Исходя из того, что сочинение Мельникова лишено какой бы то ни было системности при изложении материала и его доводы направлены скорее против частных мнений, а не общецерковного понимания тех или иных вопросов, священник Сергей Радаев сгруппировал возражения Мельникова по темам, которые не получили достаточно полного освещения в свое время.

Поскольку Мельников начинает свой труд с заявления, будто бы богословие Православной Церкви проникнуто духом латинства, протестантизма и даже атеизма, то во второй главе кандидатского сочинения разбирается вопрос о западном влиянии на русское богословие. Там же показана внутренняя противоречивость позиции Мельникова в связи с тем, что протопоп Аввакум в свое время советовал своим чадам участвовать в богослужении «никоновской» Церкви, которая для Мельникова была еретической.

Одним из аргументов Мельникова против учения Русской Церкви является существование разных мнений среди православ-

ных богословов по поводу того или иного учения, относящегося к области частных суждений об истинах веры, а не к догматам. Шаткость этой позиции показана на примере богословия раннего старообрядчества, где существовали разногласия относительно незыблемости обряда и возможности вносить изменения в богослужебные книги, церковные священнодействия (с. 48), а также в понимании учения о Святой Троице. Тем не менее, раскольники считали себя преемниками истинной Церкви. В рамках полемики с раскольниками данная проблема, по мнению священника Сергия Радаева, может быть преодолена с помощью различия между догматом и теологуменом, предложенного проф. В. В. Болотовым и разделяемого современными богословами, в частности, митрополитом Филаретом Минским и Слуцким.

Следующая группа аргументов против Православия строится Мельниковым на основе критики символических книг (с. 61), содержание которых проникнуто духом западного богословия. Разбору данного возражения посвящена третья глава кандидатской работы.

В четвертой главе разобраны выдвигаемые Мельниковым обвинения в отступлении от истинной веры Русской Церкви на том основании, что она признает крещение у католиков и принимает их через покаяние, а Греческая Церковь через крещение. На примере обзора канонических решений соборов, практики святых отцов и высказываний православных богословов XX века о способе приема отпавших в Церковь, священник Сергей показывает, что в Православной Церкви сложилось учение о праве каждой Поместной Церкви действовать на свое усмотрение в решении данного вопроса. Поэтому различие чинов приема католиков не может служить поводом к обвинению в неправославии. У самих же старообрядцев наблюдается аналогичная практика: когда им надо было принять митрополита Амвросия, то они приняли его через миропомазание (с. 81), хотя в полемике с православными они предпочитают об этом умалчивать, и до сих пор у них нет ответа на этот вопрос (с. 88).

Следующее обвинение Мельникова состоит в том, что в нача-

ле XX века существовали разногласия между Греческой и Русской Церковью в болгарском вопросе, и отсюда он делает вывод о том, что обе Церкви перестали быть православными, так как не придерживались единого мнения (с. 88). На историческом материале священник Сергей показывает подлинные причины этой проблемы и, кроме того, отмечает, что поскольку данный вопрос является не догматическим, то не может служить причиной обвинения РПЦ в неправославии.

Пятая глава посвящена разбору возражений Мельникова против мнимых заблуждений РПЦ в учении о Святой Троице, о Лице Иисуса Христа, о принесении Христом искупительной жертвы сатане (с. 99), о Богородице и происхождении души. Автор показывает, что Мельников строит свои аргументы, сокращая, вырывая из исторического и богословского контекста цитаты и толкуя их на свой лад, в то же время он не замечает явного искажения православного вероучения у самих старообрядцев по тем же вопросам. Например, в старопечатных книгах говорится о «Троице Трисущной Единой» (с. 98).

Шестая глава посвящена разбору представления Мельникова о православной экклесиологии. По его мнению, православные миссионеры и богословы «держатся различных между собою взглядов» и не выработали определенного взгляда о том, что есть Церковь.

В седьмой главе священник Сергей Радаев делает разбор старообрядческого представления о православном учении о Таинствах, их количестве и рассматривает конкретные возражения Мельникова против православного понимания Таинств Крещения, Елеосвящения, Священства и Брака.

В заключении автор указывает на принципиальные заблуждения Мельникова в сравнении с православным учением.

Библиография насчитывает 217 наименований книг и статей.

Приложение состоит из 8 фотоматериалов из жизни старообрядцев.

В целом работа производит хорошее впечатление, хотя выполнена по простой схеме: каждая глава посвящена разбору конкретных

заблуждений раскольников. Однако, исходя из построения сочинения Мельникова, где отсутствует систематичное изложение его взглядов, такая структура диссертации представляется вполне приемлемой.

Снижает качество работы вторичное цитирование (сноски 232, 233, 285), а также ряд ошибок, которые отмечены в предоставленном мне экземпляре (с. 6, 62, 87, см. сноску 288).

Несмотря на указанные недостатки работа отвечает требованиям, предъявляемым к кандидатским сочинениям, а ее автор заслуживает присвоения ему научной степени кандидата богословия.

12.2. ОТЗЫВ профессора Н. К. ГАВРЮШИНА на кандидатскую диссертацию выпускника сектора заочного обучения Московской духовной академии священника Сергия РАДАЕВА по кафедре Богословия на тему: «Разбор книги Мельникова "Блуждающее богословие"»

Рассматриваемая работа написана на актуальную тему, особенно в свете Постановления Архиерейского Собора Русской Православной Церкви (2004 г.), направленного на сближение со старообрядцами, и создания специальной комиссии по делам старообрядческих приходов и по взаимодействию со старообрядчеством (Постановление Священного Синода от 20 апреля 2005 г., журнал № 18).

Автор работы последовательно выполнил ряд формальных требований, предъявляемых к светским диссертациям. Так, в частности, он обосновал актуальность исследования, разъяснил его цель, объект и задачи, наконец, что не может оставить равнодушным читателя, методы. К ним отнесены:

- а) аналитический, опирающийся на уже имеющиеся данные;
- б) сравнительный, позволяющий выявить различие между фактами;
- в) дедуктивный, позволяющий из общих положений сделать частный вывод;
- г) непосредственное общение со старообрядцами «белокриницкого согласия» (с. 8).

Далее автор поясняет практическую значимость работы и раскрывает историю научной разработки вопроса, в рамках которой предлагает самостоятельную классификацию источников по всей старообрядческой тематике. В целом эта часть занимает около 30 страниц, причем в заключительной части дается краткий обзор дореволюционной полемики с книгой Мельникова, которая, по мнению автора, не может считаться полностью исчерпанной темой. Осведомленность автора в дореволюционной литературе весьма широка, но, к сожалению, он совершенно не пользуется археографическими публикациями по истории старообрядчества, которые систематически на протяжении многих лет осуществляют Сибирское отделение РАН (АН СССР), Библиотека Академии наук и Пушкинский дом в Санкт-Петербурге.

В первой главе автор дает подробное жизнеописание Ф. Е. Мельникова и его деятельности как старообрядческого полемиста.

Далее он стремится как можно шире представить исторический контекст полемики староверов с синодальным богословием. В частности, останавливается на оценке старообрядцами практики приема в Русскую Православную Церковь, на их еклесиологии и антропологии. Порой возникает ощущение, что автор как-то искусственно затягивает момент перехода к главной теме работы, т.е. разбору и критике аргументации самого Ф. Е. Мельникова.

В самом деле, наиболее сложным для автора был цикл sacramентологических вопросов. В вопросе о числе Таинств о. Сергию удается потеснить противника. Он с достаточным основанием пишет: «Утверждая, что господствующая Церковь в догматическом учении сильно поддалась латинскому влиянию, старообрядцы не замечают того, как сами усваивают латинские взгляды и воспроизводят их в своем учении» (с. 125).

Однако его попытки ответить Ф. Мельникову, к примеру, на вопрос о крещении упираются в действительно существующие противоречия и недомолвки в самих «православных» текстах (как правило, синодального периода).

Например, вопрос о возможности осуществить крещение мирянину или женщине автору представляется дилеммой, которая «осталась так и не разрешенной» (с. 133). «Не», с грамматической точки зрения, здесь следовало бы писать слитно.

Упрек старообрядцам, что само Таинство Крещения «должно совершаться в церковном собрании, во время Литургии», а у них это требование не выполняется (с. 133), вряд ли уместен, если взять во внимание даже современную практику Русской Православной Церкви...

Но главное, на что следовало бы в первую очередь обратить внимание, это статус крещаемого. А именно: является он объектом или субъектом спасения, какова его роль в этом Таинстве. Только имея ясную позицию по этому вопросу, имеет смысл вдаваться в дискуссии о действенности обливительного крещения и т. п. И если бы «православные» богословы четко отмежевались от тридентского богословия, они вполне могли бы указать мнимым «старообрядцам», что их сакраментология именно и зиждется на принципе *opere operatum*...

В отдельных случаях в тексте диссертации встречаются досадные опечатки и неудачные согласования.

В целом же диссертация отвечает требованиям, предъявляемым к подобного рода работам, а ее автор заслуживает присуждения искомой степени кандидата богословия.

13.1. ОТЗЫВ преподавателя священника Павла ВЕЛИКАНОВА на кандидатскую работу выпускника сектора заочного обучения Московской духовной академии диакона Андрея АЛЕКСЕЕВА по кафедре Богословия на тему: «Причины религиозного кризиса российского общества конца XIX—начала XX века»

Прошло уже почти сто лет, как Россия резко отступила от своего исторического пути, променяв верность Христу на бесплодную веру в «светлое будущее». Такие глобальные изменения в судьбе народа подчас не могут быть осмыслены до тех пор, пока не пройдет до-

статочно времени, доколе не улягутся страсти, не утихнут споры, не появятся трезвые и спокойные оценки происходившего. Поэтому кандидатскую диссертацию диакона Андрея Алексева, посвященную причинам религиозного кризиса русского общества на рубеже веков, нельзя не назвать своевременной: сегодня мы уже находимся на почти вековом расстоянии от описываемых событий, и не только хронологически, но и геополитически, что дает нам полное право положить доброе начало к пониманию глубинных процессов, которые привели наш народ к столь решительным и страшным по своим последствиям событиям в начале XX века.

Диссертация диакона Андрея Алексева состоит из введения, четырех глав, заключения и приложения, всего 163 страницы. Библиографический список включает 189 названий источников и использованной литературы. Написана диссертация на хорошем научном уровне, стиль изложения достаточно легок. Работу отличает хорошая структура научного исследования, логическая связь между главами и параграфами. Чувствуется искренний интерес автора к исследуемым вопросам и желание рассмотреть в рамках диссертации как можно больше причин религиозного кризиса. Следует отметить, что автор нашел интересные статистические сведения о количестве православных храмов, духовенства и прихожан в конце XIX — начале XX века.

Структурно работа делится на четыре основных раздела: вначале автор раскрывает ключевые понятия для данного исследования, на богатом и живом литературном материале показывает, каким было состояние российского общества в годы незадолго до октябрьского переворота. Далее автор приступает к непосредственному анализу причин кризиса, из которых диакон Андрей считает основными особенностями государственно-политического строя, духовно-нравственное состояние общества, проявлявшееся в религиозном индифферентизме, обмирщении духовенства и в целом господстве безнравственности. Третьей основной причиной кризиса автор считает негативное влияние западноевропейской культуры. В целом соглашаясь с таким подходом, хотелось бы отметить, что при всем обилии фактического

материала, который использует автор, аналитическая сторона работы могла бы занимать значительно большую часть исследования: не всегда пестрая и многоплановая мозаика, составляемая автором из свидетельств очевидцев, вырисовывается в ясную и удобочитаемую картину. На наш взгляд, четвертую главу — влияние западно-европейской культуры — следовало бы уменьшить по количеству цитат (особенно на с. 104—106), но значительно расширить аналитически, показав на конкретных примерах, каким образом это влияние привело в том числе и к религиозному кризису.

Основным недостатком работы является местами перегруженность цитатами, иногда пространными, при минимальном участии автора в оценке и сопоставлении приводимых им свидетельств. Иногда работа приобретает излишне эмоциональный характер, что соответствует более публицистическому труду, нежели чем научно-исследовательскому. Однако, с другой стороны, действительно трудно говорить отвлеченно и безразлично о том времени, когда кризис разделил общество на всех уровнях — от малой деревни до столицы — на два лагеря: тех, кто решался сохранять верность Христу даже до смерти, и на тех, кто вольно или невольно становились хриstopродавцами...

Главное достоинство работы — новизна системного подхода к анализу религиозного кризиса. Как пишет автор, «религиозный кризис — это острый переломный момент глубокого системного нарушения духовно-нравственного состояния Церкви, государства, общества и личности, их конструктивного взаимодействия, обусловленный изменением места и роли Церкви в жизни общества, вызванный отступлением государства, общества и личности от евангельских принципов, определяющих закономерности их сосуществования, при сохранении возможности выбора для возвращения к этим принципам» (с. 130). Автор достаточно места уделяет анализу положения Церкви в Синодальную эпоху, показывая, что при сложившейся ситуации «Церковь не смогла оказать достойное противодействие деструктивному влиянию идей рационализма, прогресса, атеизма, материализма, вольнодумства, мистицизма... Ситуация, в которой оказалась Церковь, состояла в том, что она не имела воз-

можности влиять ни на состояние общества, ни на государственную власть» (с. 127). Обратной стороной «парадного всеобщего православия» было оскудение подлинной веры и благочестия как в среде простого народа, так и среди духовенства: «Мы становились теми, — пишет митрополит Вениамин (Федченков), — о коих сказано в Апокалипсисе: «Но как ты тепл, а не горяч и не холоден, то изблюю тебя из уст моих» (Апок. 3, 16)». Однако автор незаслуженно мало места уделяет тем подвижникам благочестия, для которых религиозный кризис стал переломным моментом и резко изменил направленность жизни от вольнодумства и позитивизма к горячей вере и исповедничеству, — примеров тому множество не только среди русской интеллигенции, но и среди простого народа.

Несмотря на указанные недочеты, представленная работа является новым и значительным шагом в богословском осмыслении истории нашего Отечества. Диссертация носит творческий характер, написана живо, с любовью и продуманно. Характер работы научный, чуждый предвзятости в оценках. Диссертация диакона Андрея Алексева заслуживает отличной оценки, а сам автор является достойным ученой степени кандидата богословия.

13.2. ОТЗЫВ профессора М. М. ДУНАЕВА на кандидатскую работу выпускника сектора заочного обучения Московской духовной академии диакона Андрея АЛЕКСЕЕВА по кафедре Богословия на тему: «Причины религиозного кризиса русского общества конца XIX—начала XX века»

Кандидатская работа диакона Андрея Алексева посвящена интересной и важной теме отечественной истории, равно как и истории Русской Православной Церкви. Вдумчивое изучение кризисного состояния русского общества на рубеже XIX — XX веков помогает постичь и многие проблемы нынешнего времени, в чем-то сходного с периодом столетней давности.

Подлинный научный подход к любой проблеме требует, прежде всего, установить объем изучаемых понятий. «Договоримся о терминах». Именно это и делает автор диссертации в самом начале

первой главы, переходя затем к раскрытию темы. Исследователь справедливо разделяет причины кризисного состояния русского общества в названную эпоху на внешние и внутренние, относя к первым состояние государственного управления Российской империи, положение Русской Церкви, качество духовного образования и социальные процессы в государстве. Религиозный индифферентизм, обмирщение духовенства и утрата обществом нравственных норм верно указаны как внутренние причины кризисной ситуации. Отдельно рассматривается влияние западной культуры на русские умы, приведшее к негативным последствиям и усугубившее кризисную ситуацию. Со всеми выводами, сделанными диаконом Андреем Алексеевым, нельзя не согласиться. Однако необходимо сделать и некоторые замечания относительно недостатков работы.

Автор за редчайшим исключением не приводит в качестве источников произведений классиков русской литературы. Между тем как еще Ф. М. Достоевский указал на важнейшие духовные причины грядущей катастрофы. Псевдорелигия человекобожия, вытеснявшая во многих умах религию Богочеловечества, легла в основу многих кризисных явлений. И именно идеи гуманизма стали причиной торжества рационализма в новой русской истории, а не наоборот, как предполагает автор. Попутно заметим, что не вполне точно изложение марксизма (с. 110), данное автором, что, впрочем, не повлияло на выводы исследования.

К сожалению, автор обошел вниманием закон о веротерпимости, приведший к ухудшению положения Церкви.

Хотелось бы услышать более точные оценки некоторых событий и явлений церковной истории. Например, исследователь приводит, опираясь на епископа Илариона (Алфеева), справедливое сопоставление Поместного Собора 1917—1918 гг. со Вторым Ватиканским Собором, но далее констатации факта не идет. В оценках же историков можно встретить совершенно противоположные взгляды на решения Поместного Собора для судеб Русской Церкви, если бы эти решения удалось осуществить. Осталось как бы в подвешенном состоянии утверждение отца Иоанна Кронштадтского о маловерии

императора Николая Александровича, ибо в работе речь идет именно о крепости веры последнего русского царя.

Однако названные недостатки не влияют определяющим образом на общую научную ценность диссертации, и, прежде всего, на ее основной вывод: исследуемые кризисные процессы суть проявление борьбы дьявола с Богом, что и явилось главной причиной того, что совершилось в русской истории.

Кандидатская диссертация диакона Андрея Алексеева, несомненно, соответствует всем требованиям, предъявляемым к работам данного типа, а автор заслуживает присуждения ему искомой степени кандидата богословия.

14.1. ОТЗЫВ профессора Н. К. ГАВРЮШИНА на кандидатскую диссертацию профессорского стипендиата Георгия ШАВУЛЕВА по кафедре Богословия на тему: «Константин Леонтьев как мыслитель в контексте православной традиции»

Диссертация Георгия Шавулева посвящена одному из ярких русских мыслителей, давно вызывающему пристальный интерес социологов и историков русской философии. Леонтьев широко известен за рубежом — книги и диссертации о нем писались по-итальянски, по-немецки, по-английски... Оценки его философского наследия очень неоднозначны. В нем видели представителя некоего религиозного эстетства, тайного скептика, одностороннего консерватора...

Автор рассматриваемой работы не ставил перед собой необъятных задач. Подробно изучив жизнь и творения К. Н. Леонтьева, он решил сопоставить его взгляды с позициями русских писателей и мыслителей, искавших в конце XIX века пути обновления религиозной жизни.

Непреложным образцом церковности именно той эпохи для автора является Оптина пустынь и ее старцы. Именно отношение к этой обители, наставлениям ее духовников служит для диссертанта главным ориентиром в оценке взглядов Леонтьева.

В работе три главы. Первая посвящена жизнеописанию

К. Н. Леонтьева, причем именно под определенным углом зрения, характеризующим его отношение к старчеству вообще, к ключевым моментам религиозного переживания и сознательного церковного самоопределения.

Во второй главе К. Н. Леонтьев рассматривается как критик так называемого «розового христианства». Под ним понимаются некие «приземленные» проекции евангельского начала любви, которые, как полагает автор, уводят за пределы церковных стен, — в социальное прожектерство, душевное своеволие, лицепрятие...

Автор стоит на позициях своеобразного фундаментализма, резко противопоставляя прп. Амвросия Оптинского и К. Н. Леонтьева как хранителей «истинного христианства» Ф. М. Достоевскому и митрополиту Антонию (Храповицкому) как представителям христианства «розового», «натуралистического» и потому даже «ложного»...

Начиная с парадоксального вопроса, поставленного К. Н. Леонтьевым, и не менее категоричного ответа на него («кого мы имеем более права называть христианином — изверга Иоанна IV (Грозного. — Г. Ш.) или Роберта Оуэна, добродетельного человека? Конечно, первого, а не второго» (с. 77—78)), автор диссертации подробно обосновывает правоту К. Н. Леонтьева: «...та православная философия жизни, которую развивает Леонтьев в противовес «розовому христианству» (в оригинале неточное согласование. — Н. Г.), основана на страхе Божиим, и есть ничего другого, как святоотеческая философия, это и есть — святоотеческое богословие!» (с. 229).

Нельзя не признать, что хотя отстаиваемая автором точка зрения весьма ригористична и может вызвать множество возражений, обосновал он ее очень подробно, привлекая достаточно широкий материал.

В третьей главе им собраны выдержки из сочинений Леонтьева — о православии, о вере и т.д., которые лишней раз должны напомнить читателю, чем отличается «истинное христианство» от «розового», забывающего начало премудрости — страх Божий.

В тексте диссертации встречаются особенности словоупотребления, согласования и стиля, вызванные тем обстоятельством, что родной язык автора — болгарский. В подобных случаях, при чрезвычайной близости двух славянских языков, избежать небольших шероховатостей практически невозможно. Впрочем, они же косвенно свидетельствуют о бесспорной самостоятельности работы.

Я полагаю, что диссертацию можно оценить как основательную, написанную с глубокой внутренней убежденностью и соответствующую требованиям, предъявляемым к подобного рода работам, а ее автору следует признать заслуживающим присуждения ему ученой степени кандидата богословия.

14.2. ОТЗЫВ доцента игумена АНДРОНИКА (Трубачева) на кандидатскую диссертацию профессорского стипендиата Георгия ШАВУЛЕВА по кафедре Богословия на тему: «Константин Леонтьев как мыслитель в контексте православной традиции»

Заявленная тема не замахивается на обобщающее исследование всего мировоззрения К. Н. Леонтьева, но из всего мировоззрения выделяет один наиболее существенный предмет. Соответственно такая структура работы представляется удачной. В главе I «Путь жизни» показана жизнь К. Н. Леонтьева как светского человека, рассмотрен его религиозный перелом и жизнь в Православной Церкви. Духовные связи К. Н. Леонтьева со старцами Афона и Оптиной пустыни подтверждают православность его мышления.

Далее автор рассматривает К. Н. Леонтьева в качестве критики «розового христианства» Л. Н. Толстого и преимущественно Ф. М. Достоевского (основание темы: образ старца Зосимы, образ русского инок, основы духовной жизни, хилиастический утопизм Ф. М. Достоевского).

В последней части автор раскрывая учение К. Леонтьева о значении страха Божия и его высказывания о Православии, сопоставляя этот материал с высказываниями старцев Макария, Амвросия, Иеронима и святых отцов. В целом основные выводы автора и

структура сочинения заслуживают одобрения и согласия.

В то же время необходимо сделать ряд замечаний, которые могут помочь автору не в переработке данного сочинения, а в осмыслении самой проблемы, поставленной в сочинении.

1. Хотя автор цитирует то положительное, что говорит К. Н. Леонтьев о Толстом и Достоевском, это никак не отразилось в его выводах. Кроме того, несомненно, что положительное влияние Достоевского не исчерпывается литературными достоинствами его работ. Путь в Церковь — это своеобразная лестница. Ступенька, на которой стоит Леонтьев, несомненно выше, чем «ступенька» Достоевского. Но ведь и Достоевский стоит на этой лестнице много выше тех литераторов, которые были далеки и даже враждебны Церкви и тем не менее являлись авторитетами для многих поколений. Именно в этом, думается, основная причина расхождений церковных исследователей в оценке творчества Достоевского.

2. Автор не рассматривает версии о том, что в основе образа старца Зосимы был не преподобный Амвросий, а святитель Тихон Задонский. Хотя на основные выводы работы это не повлияло бы, но внесло бы целый ряд коррективов в изложение. Тем более что святитель Тихон Задонский использовал в своих сочинениях работу Арндта «Об истинном христианстве», которая, вероятно, ближе к беседам старца Зосимы, чем творения преподобного Амвросия.

3. Сочинение перегружено длинными цитатами (на 12 страниц), особенно во второй части.

4. В сочинении много неисправленных опечаток и стилистических несогласований, иногда сомневаешься, что это именно: опечатка или неправильное согласование.

15.1. ОТЗЫВ профессора В. М. КИРИЛЛИНА на кандидатскую диссертацию выпускника Московской духовной академии иерея Георгия ШАПОВАЛОВА по кафедре Филологии на тему: «Житие преподобного Антония Сийского. Идеино-художественное своеобразие произведения в редакции царевича Иоанна»

Рецензируемое сочинение — интересный труд, посвященный не-

достаточно изученному в идейно-художественном отношении памятнику древнерусской книжности XVI века. Автор основательно подошел к решению поставленных перед собой эстетических задач. Он изучил необходимые рукописные источники, освоил довольно широкий круг научной — справочной и историко-филологической — литературы. Тем самым он проявил похвальную требовательность исследователя. Вместе с тем диссертант на страницах своей работы весьма удачно сочетает знакомство с историей и теорией литературы и познания церковно-исторического и богословского плана.

Работа священника Г. Шаповалова построена традиционно. Состоит из введения, двух глав, заключения и библиографического списка использованной литературы (из 114 наименований), снабжена также интересным иллюстративным материалом. Сформулировав во введении цели собственного исследования, автор затем логично идет к их достижению, ярко и внятно освещая как наиболее важные аспекты литературного процесса в Древней Руси, особенно в XVI веке, так и отличительные черты литературного творчества царевича Иоанна Иоанновича.

Первая глава диссертации в основном является историографической и, соответственно, содержит критический обзор известных научных взглядов относительно всей истории агиографии преподобного Антония Сийского, показывающий, что как раз поэтическая специфика текстов, посвященных этому русскому подвижнику, освещена в науке менее всего. Так что усилия автора данного сочинения по восполнению означенного пробела вполне оправданы.

Основной раздел диссертации представлен второй главой. Методически целесообразно священник Г. Шаповалов отталкивается от общих теоретических и историко-литературных положений, касающихся риторико-панегирического стиля средневекового литературного творчества вообще. Он приходит к совершенно верному выводу о том, что этот стиль нельзя связывать только с так называемым «вторым южнославянским влиянием» на древнерусскую книжность. Истоки указанного явления древнерусской

литературы коренятся в греко-византийской агиографии и гимнографии, а также в раннехристианской, библейской и античной литературных традициях. Однако исследователь говорит не только о внешних, художественных особенностях риторико-панегирического стиля, но и о его внутренней, идейной основе. Последняя опять-таки связана не с известной теорией болгарского писателя XVI века Евфимия Тырновского и через последнюю — с учением исихастов об умной молитве и сущности слова, как полагал, например, академик Д. С. Лихачев, а именно с потребностями русского общества в эпоху национального подъема после победы на Куликовом поле, с деятельной практикой русского монашества второй половины XIV—XV вв. — и я бы добавил — с идеологическим ощущением в русском общественном сознании преемственности и наследственности окрепшего и возвысившегося Московского государства по отношению к культуре Киевской Руси, да и по отношению к древнейшим центрам христианской жизни — Риму и Константинополю.

Конкретизируя свои наблюдения над риторической традицией в собственно древнерусской литературе, священник Г. Шаповалов успешно стремится охарактеризовать специфическую основу этой экспрессивно-эмоциональной манеры повествования, отличающей творчество многих писателей XVI века. Это, прежде всего, — новое внутреннее и внешнее состояние Московского государства как последнего богоизбранного оплота Православия и отражающая таковое идея «Москва — третий Рим». Означенная литературная манера была характерна для русской публицистики, беллетристики и так называемых обобщающих литературных мероприятий XVI века. Она по-разному отразилась в творчестве преподобного Максима Грека, митрополита Даниила, дворянина Ивана Пересветова, инока Зиновия Отенского, царя Ивана Грозного, князя Андрея Курбского. Ею пронизаны повествования летописей, «Великих Миней Четких», святителя Макария, «Степенной книги», «Истории о Казанском царстве».

Анализируя творчество царевича Иоанна Иоанновича, составившего в 1579 г. новые тексты «Службы» и «Жития» преподоб-

ного Антония Сийского, диссертант убедительно доказывает, что присущий литературной манере этого писателя стиль «плетения словес» был непосредственно связан с общей спецификой русской литературы XVI века, с питающей последнюю идеологией «третьего Рима», наконец со вкусами и взглядами его собственного отца, царя Иоанна IV, яркого и самобытного мастера слова.

Исследователь наглядно показывает, как первоначальный текст «Жития», составленный Сийским священноиноком Ионой, был переработан царевичем Иоанном. Последний развил текст жития преподобного Антония посредством усиления библейского и патристического фона, введения церковно-исторических экскурсов (навеянных главным образом русской агиографией), обогащения повествования новыми поэтическими пассажами.

В работе рассматриваются и самостоятельные сочинения царевича. Так, ее автор справедливо полагает, что «Служба» преподобному Антонию Сийскому является первым литературным трудом писателя. Однако при этом, к сожалению, священник Г. Шаповалов недостаточно внятно показывает связь ее текста с переработанным Иоанном житием, хотя из приведенных им примеров хорошо видна зависимость. Совсем не касается исследователь и вопроса отношения гимнографического труда Иоанна к тексту более ранней «Службы» авторства упомянутого Ионы, закрепившейся в богослужбной практике.

Более тщательное внимание в диссертации уделено написанным царевичем Иоанном новым текстам — «Предисловию» к «Житию» и «Похвале» преподобному Антонию Сийскому. Исследователь убедительно выявляет основные литературные приемы, которыми пользовался писатель. Они аналогичны его подходу к переработке собственно житийного текста. Это — метафоризация, цитирование, повторы, усиленные амплификацией. Это — нагнетание синонимов и ритмизация повествования. Это — одинаково трехчастная композиция и внимание к символичности структуры отдельных периодов, особенно к троичной символике, которая, как выяснилось, отличает все три работы царевича Иоанна. Последняя отражает не

только литературную традицию, но также молитвенное служение преподобного Антония Сийского и особенность русской богословской мысли в XVI веке, направленной на преодоление еретических учений антитринитарного толка. Все отмеченные поэтические приемы не были только формальной данью литературной традиции. Согласно справедливому мнению священника Г. Шаповалова, они наделены были идейной нагрузкой, а именно служили углублению содержания произведений и вместе с тем способствовали концентрации читательского внимания и, соответственно, восприятию текста.

В целом наблюдения диссертанта точны, выводы — взвешены и аргументированы, хотя иной раз им недостает развернутого сравнительного контекста, сопряженности с другими, аналогичными достижениями древнерусского литературно-художественного творчества (например, относительно числовой символики — с «Житием» преподобного Сергия Радонежского). Текст сочинения отличается внятными русским языком и хорошим стилем.

Все сказанное, несмотря на отмеченные недостатки, свидетельствующие больше о неопытности исследователя и о хронологически стесненных рамках его работы, позволяет признать, что рецензируемая работа соответствует требованиям, предъявляемым к подобному рода трудам, и заслуживает отличной оценки, а его автор, священник Георгий Шаповалов, конечно же, заслуживает степени кандидата богословия.

15.2. ОТЗЫВ доцента А. К. СВЕТОЗАРСКОГО на кандидатскую диссертацию выпускника Московской духовной академии иерея Георгия ШАПОВАЛОВА по кафедре Филологии на тему: «Житие преподобного Антония Сийского. Идеино-художественное своеобразие произведения в редакции царевича Иоанна»

В своем исследовании автор обращается к достаточно редкой, не получившей широкого распространения в рукописной традиции редакции жития Антония Сийского в редакции царевича Иоанна.

Во введении к диссертации автор представил краткую историю Антониево-Сийского монастыря и отражение памятника в исследовательской литературе XIX—XXI вв. (с. 3—14). Обзор редакций памятника содержится в п. 1. гл. 1. Характеристика двух первичных редакций жития дана в п. 2 гл. 1.

Основная часть работы (с. 39—120) посвящена рассмотрению памятника как литературного явления. И данный подход следует считать приоритетным. Дело в том, что до настоящего времени предпринимались попытки исторического (еп. Никодим (Кононов) и текстологического (Е. А. Рыжова) исследований памятника. Но, как справедливо отмечает автор диссертации, «Житие преподобного Антония Сийского в редакции царевича Иоанна Иоанновича было изучено недостаточно полно и всесторонне» (с. 12).

В своем исследовании автор дает общую характеристику произведения, краткий обзор редакций и рассматривает две первичные редакции жития с точки зрения содержания. Затем подробно анализирует стилистические особенности памятника и литературную манеру, характерную для царевича Иоанна Иоанновича, рассматривая его литературное творчество в контексте традиции древнерусской книжности.

Автор работал с оригиналом рукописи, хранящийся в ОР БАН. Его работа (при всех обильных ссылках на труды предшественников) не является компиляцией, но представляет собой самостоятельное исследование.

Отрадно отметить тот факт, что автор, не имея соответствующей подготовки, необходимой для самостоятельной исследовательской деятельности, обрел необходимые навыки в стенах Московских духовных школ.

Работу отличает хороший стиль, прекрасная манера изложения. Представленная библиография состоит из 114 работ.

При всех несомненных и неоспоримых достоинствах работы особенно обидно отмечать недостатки. На с. 5 автор пишет о том, что XVII век был временем «упадка монастырской жизни, связанного с указом императрицы Екатерины II о секуляризации монастырских земель».

Ясно, что речь должна идти о XVIII веке. К сожалению, автор не знает точной даты закрытия Антониево-Сийской обители (с. 6).

В целом же работа достойна отличной оценки, а ее автор — присвоения искомой степени. Возможно, было бы целесообразно рекомендовать публикацию работы на страницах «Богословского вестника».

16. ОТЗЫВ профессора М. М. ДУНАЕВА на дипломную работу выпускника Московской духовной академии игумена МИХАИЛА (Борея) по кафедре Церковной археологии на тему: «Храм преподобного Иоанна Лествичника Московской духовной семинарии: история, архитектура, святыни (опыт церковно-археологического исследования)»

Дипломная работа игумена Михаила (Борея) посвящена до сих пор не изученному храму, по многим причинам оставшемуся обойденным вниманием исследователей. Достаточно обратиться к монографиям, посвященным истории русской культуры конца XIX — начала XX в., чтобы в этом убедиться. Разумеется, в ансамбле Свято-Троице-Сергиевой лавры рядом с великими шедеврами архитектуры и святынями общеправославного значения семинарский храм во имя преподобного Иоанна Лествичника занимает достаточно скромное место. Но, во-первых, любой храм Божий заслуживает внимания и достоин изучения, а во-вторых, семинарская церковь — замечательный образец так называемого русского стиля, и исследование ее особенностей дополняет наше представление о своеобразии этого еще недостаточно изученного явления в отечественном зодчестве.

Впрочем, исследование игумена Михаила (Борея) даже шире, нежели обозначено темой работы. Он рассматривает семинарский храм в общем контексте строительства больнично-богадельного комплекса Лавры (отдельная главка посвящена даже Пафнутаевскому саду, примыкающему к комплексу), касается предыстории возникновения этого комплекса, скрупулезно, пользуясь широким архивным материалом, описывает все основные и частные моменты в

истории создания комплекса, подробно останавливается на особенностях архитектуры его. В данном исследовании ансамбль нынешней Семинарии рассматривается на общем фоне развития русского стиля, которому посвящен соответствующий раздел в главе об архитектуре храма.

Описание внутреннего убранства храма и подробный перечень всех росписей его — вообще новая страница в исследовании ансамбля Троице-Сергиевой лавры.

Можно утверждать, что данное исследование обладает достаточной полнотой, обстоятельностью и несомненной научной ценностью. В историю изучения Лавры вписана еще одна маленькая, но необходимая строка.

Представленная к защите работа может быть оценена как отличная.

17. ОТЗЫВ доцента протоиерея Валентина АСМУСА на дипломную работу выпускника Московской духовной семинарии Виталия ШАТОХИНА по кафедре Богословия на тему: «Влияние свт. Кирилла Александрийского и блж. Феодорита Кирского на формирование халкидонской христологии»

Работа состоит из введения, 9 глав, заключения и библиографии. Глава 1 характеризует александрийскую и антиохийскую богословские школы. Глава 2 говорит о двух противоположных направлениях христологии — аполлинарианстве, которое акцентировало единство Божества и человечества во Христе, отрицая в Нем полноту человечества, и несторианстве Диодора, Феодора Мопсуэстийского и Нестория, в котором признание полноты и Божества, и человечества во Христе было связано с трудностями выражения единства того и другого, что вело к видению во Христе двух отдельных личностей. Глава 3 — о свт. Кирилле и блж. Феодорите как представителях магистральных течений двух школ, выразивших в своем богословии сильные стороны обеих. Глава 4 говорит о гетеродоксальных нюансах двух указанных богословов. Свт. Кирилл принимал за чистую монету аполлинарианские подлоги и усвоил некоторые их формулы,

одна из которых, «единая природа Бога Слова воплощенная», сыграла поистине роковую роль в истории Церкви. Блж. Феодорит проявлял значительное нечувствие в отношении ереси Нестория, своего совоспитанника. Глава 5 посвящена историческому фону деятельности двух крупнейших богословов — III и IV Вселенским Соборам и межсоборному 20-летию. Глава 6 посвящена догматическому значению Эфесского Собора, для выяснения которого автор анализирует понимание термина Богородица св. Кириллом и блж. Феодоритом. Глава 7 — о догматическом значении Халкидонского Собора. В этой главе рассказывается о формировании халкидонского Ороса и дается его анализ. Последние две главы, 7 и 9, исследуют вклад в халкидонский Орос двух изучаемых богословов. Как показывает автор, Орос вместил в себя богословское видение св. Кирилла, которое он выразил антиохийской терминологией, взятой у блж. Феодорита. Краткое заключение подводит итоги. Библиографический список включает в себя 81 название.

Автору присущ несомненный вкус к истории догмы. Он не хочет стилизовать догматические системы отцов первых веков под устоявшуюся догматику более позднего времени. Каждое историческое явление он хочет видеть в его индивидуальной неповторимости, и история обретает вид восхождения к соборной истине через превосхождение диалектических тез и антитез отдельных систем. Изучив обширную научную литературу, автор не ограничивается ею и все время стремится опереться на сами тексты изучаемых богословов. Работа выполнена на уровне, превышающем требования к выпускникам Семинарии. Она заслуживает отличной оценки, и остается выразить надежду, что В. Шатохин продолжит работу над занимающей его темой в стенах Духовной академии.

18. ОТЗЫВ профессора А. И. СИДОРОВА на дипломную работу выпускника Московской духовной семинарии Сергея КОЖУХОВА по кафедре Богословия на тему: «Антропология святителя Василия Великого по текстам гомилий "О происхождении человека"»

Представленная работа состоит из двух частей: исследовательской и переводческой. Что касается первой, то здесь дается очерк учения о человеке великого каппадокийского святителя на основе переведенных автором указанных проповедей. Этот очерк написан, на мой взгляд, вполне прилично для дипломной работы, ибо в нем сделана попытка учитывать весь контекст богословия свт. Василия: в отрыве от такого контекста осмысление антропологии практически невозможно. Как научный руководитель я не ставил перед автором задачи сравнительного анализа этой антропологии с учением о человеке других отцов Церкви (данный анализ, на мой взгляд, дело будущего, то есть кандидатской диссертации), но Сергей Кожухов пытается наметить точки сходства и различия между антропологией свт. Василия и аналогичным учением его брата свт. Григория Нисского, что явно можно отнести к достоинствам работы. Естественно, в первой части имеются недостатки, но они носят мелкий характер. Из них можно указать особо настойчивое и повсеместное употребление слова «Библия» вместо более привычного для православного словоупотребления и благолепного понятия «Священное Писание» или просто «Писание». Конечно, в самом слове «Библия» нет ничего одиозного, но поскольку в современной речи оно как бы «стерто» от частого использования его протестантами и просто неверующими людьми, то я бы рекомендовал избегать его.

Если обратиться ко второй части, то, прежде всего, следует указать, что здесь впервые на русском языке (насколько мне известно) представлен перевод весьма важных проповедей свт. Василия Великого. Это, вне всякого сомнения, большая заслуга Сергея Кожухова. Правда, следовало хотя бы несколько слов сказать о проблеме авторства данных гомилий, поскольку некоторые из ученых считают, что они написаны свт. Григорием Нисским. Естественно, что подобный первый переводческий опыт автора диплома не лишен недостатков. У меня не было времени полностью проверить перевод, но выборочная проверка показала наличие здесь ряда неточностей и ошибок: они указаны в тексте постранично. Иногда автор

увлекается такими неологизмами, как «форма», «структура» и т. д., вряд ли допустимыми в переводе. Однако в целом появление этого перевода в качестве приложения к дипломной работе — отрадное явление и заслуживает всяческих похвал.

В общем, могу оценить эту дипломную работу как отличную. Она является хорошим заделом для будущих исследований Сергея Кожухова, которые, смею надеяться, появятся в недалеком будущем.

19. ОТЗЫВ преподавателя Ю. В. МАКСИМОВА на дипломную работу выпускника Московской духовной семинарии Антона ИГУМНОВА по кафедре Богословия на тему: «Учение Феодора Абу Курры о свободе воли в контексте святоотеческого предания»

Представленная дипломная работа, объемом в 90 страниц, состоит из введения, четырех основных разделов, заключения, приложения и списка литературы.

Прежде всего, необходимо отметить важность обращения к личности и богословскому наследию Феодора Абу Курры. Епископ Харрана, миссионер, блестящий полемист IX в. был выдающейся фигурой своего времени и считается отцом православного арабоязычного богословия. Уже при жизни его сочинения переводились на греческий, грузинский и сирийский языки. В настоящее время в Антиохийском Патриархате готовится канонизация Абу Курры. Долгое время в Европе и России он был известен лишь по своим коротким полемическим сочинениям на греческом языке (которые в XVII веке были переведены и на русский язык).

В XIX—XX вв. было открыто для ученого мира существование значительного корпуса арабоязычных сочинений Феодора. И хотя большая их часть еще ждет исследования и публикации, уже можно сказать, что основные, наиболее серьезные и зрелые, сочинения Абу Курра писал на арабском языке. Особая ценность представленной работы А. Игумнова состоит в том, что она реально восполняет существенный пробел в отечественной патрологической науке,

которая доселе оставляла без внимания богатейшую арабоязычную традицию православного богословия. Хотя еще девять лет назад проф. А. И. Сидоров указывал на необходимость исследования богословского наследия Феодора Абу Курры.

Введение включает определение основных понятий, затем краткий очерк истории проблемы свободы воли, который ограничивается античными авторами. В этой части введения ощущается излишне публицистическая манера изложения, которую нельзя считать вполне подходящей для научной работы. Вероятно, автор испытал чрезмерное влияние используемых источников по этой теме. Далее следует формулировка целей и задач работы. Среди таковых, помимо введения в поле русской патрологической науки сочинения Феодора Абу Курры «О свободе воли», значится анализ и определение места сочинения в контексте святоотеческого наследия по данной теме, а также его полемического значения в критике манихейства и ислама. Заключает эту часть глава «характеристика основных источников», однако содержание ее не соответствует заголовку, поскольку содержит она лишь перечисление источников.

Первый раздел посвящен личности Феодора Абу Курры. Учитывая, что в России этот автор практически неизвестен, такое внимание к его биографии, а также очерк истории открытия и исследования его арабоязычного творчества представляется нам вполне оправданным. Однако замах на подробную биографию подразумевает большую ответственность, и, к сожалению, не всегда можно сказать, что автор с ней справился. Справедливости ради стоит заметить, что биография Абу Курры имеет целый ряд спорных моментов, а обилие материала, вводимого в научный оборот на протяжении последних лет, уже неоднократно приводило к необходимости частичного ее пересмотра.

Тем не менее следует признать, что в ряде случаев автор использовал уже устаревшие сведения либо некритически воспринимал гипотезы западных исследователей. К примеру, на с. 9 он повторяет гипотезы о различных вариантах связи Абу Курры с прп. Иоанном Дамаскиным, которые основывались на искаженном надписании

греческого сборника диалогов, где упоминалось, что они записаны «с голоса Иоанна Дамаскина». Однако уже десять лет назад Хури опубликовал критическое издание греческих антимусульманских сочинений, в которых восстанавливает оригинальную формулировку: «записаны с голоса [Абу Курры] Иоанном Диаконом», что лишает смысла прежние споры о степени знакомства двух великих насельников Лавры св. Саввы.

Кроме того, неоднократные упоминания Халила Самира как исследователя, перу которого принадлежат «в наиболее совершенном варианте работы по изучению наследия Абу Курры» (с. 16), очевидно, перекочевали из трудов, производимых по грантам фонда господина Самира, в целом же исследования, к примеру, Гриффитса или Ламоро заслуживают не менее, если не более высокой оценки.

Второй раздел посвящен трактату «О свободе воли» и в большей степени религиозному контексту, в котором он возник. Емко и точно характеризуются основные позиции сторон внутримусульманского спора о свободе воли — кадаритов, мутазилитов и джабаритов, а также манихейское учение по тому же вопросу.

Третий раздел включает очерк представлений о свободе воли в традиционном христианстве (таким термином обозначается, по видимому, православие). Довольно неплохо представлены мнения авторов I—III веков (от мужей апостольских до Оригена), блж. Августина, прп. Иоанна Кассиана (особенно удачно) и прп. Иоанна Дамаскина. К сожалению, список очевидно неполон, так, к примеру, на всех каппадокийцев приходится одна цитата из свт. Григория Нисского, а на всех аскетических писателей — одна цитата из прп. Макария Великого. Впрочем, и в столь неполном виде очерк дает представление об основных святоотеческих воззрениях на свободу воли.

В четвертом разделе автор переходит к исследованию учения о свободе воли Феодора Абу Курры. Здесь мы видим пересказ трактата, снабженный спорадическими сопоставлениями с мнениями предшествующих святых отцов. Собственно, анализа мыслей трактата нет. Наибольшим недостатком, на наш взгляд, является то,

что автор не потрудился сопоставить учение о свободе воли в арабском трактате с аналогичными по тематике греческими трактатами Абу Курры, например, XXIV и XXXV диалогами (по изданию Миня).

Заключение, на наш взгляд, представляет наиболее самостоятельную часть исследования, в которой автор не только суммирует, но и анализирует основные пункты богословских воззрений Абу Курры.

В качестве приложения Игумнов А. предлагает выполненный им перевод с арабского сочинения «О свободе воли». Именно эта часть, на наш взгляд, является самым ценным и зрелым вкладом и даже событием для отечественной патрологической науки и, после незначительной стилистической правки, безусловно достойна публикации.

В целом, несмотря на сделанные выше замечания, работа Игумнова А. соответствует уровню требований к дипломной работе и заслуживает оценки «отлично».

20. ОТЗЫВ доцента В. Д. ЮДИНА на дипломную работу выпускника Московской духовной семинарии Алексея ВИНОГРАДОВА по кафедре Церковной истории на тему: «Житие протопопы Аввакума как исторический источник»

И. К. Смолич писал: «Раскол был глубокой болезненной раной на теле Русской Церкви, так и не зажившей в течение всего Синодального периода и сильно ослаблявшей духовную силу Церкви» (Т. 1. С. 22).

Так и до сих пор между нами — стена отчуждения, хотя и сняты с 1971 г. клятвы на старые обряды и придерживающихся их. «Догматика обрядоверия» (Карташов) владеет умами не только т. н. «кержаков» и «брынцев»...

Представленная работа являет пример вполне лояльного, воистину христианского, отношения к коренным русским людям и их вождю — «огнепальному» Аввакуму, который воплотил в себе все черты широкого русского характера, «не знающий умеренности в

своих порывах, не умеющий останавливаться на полдороге, ведет ли она к добру или ко злу» (Н. Ивановский).

Дипломник, вероятно, увлеченный «природным» русским, выходит за пределы темы работы, чтобы полюбоваться этим «матерым человечеством». И тем не менее не все можно оправдать.

Если может быть оправдана глава о личности протопопа, то явно излишней является глава 2, посвященная текстологическому анализу различных авторских редакций жития.

Сочинение дипломника вообще в композиционном отношении неординарно: почему-то характеристика эпохи дана в конце работы, да еще и в приложении.

Тема, слов нет, нелегка, требует специального исторического образования. Но, тем не менее, автор справился с задачей: показал похвальное усердие (сличил четыре списка жития), обнаружил большую начитанность (у него обширная историография и библиография). Особо удалась общая характеристика Аввакума. И дипломник владеет пером.

Однако он не исчерпал исторического содержания выдающего памятника XVII века.

Как нам кажется, не излишне было бы сопоставить Аввакумову оценку Енисейского (1652—1656) и Нерчинского воеводы (до 1662 г.) Афанасия Пашкова с исторической традицией: ведь мерило у Аввакума было нетвердо. (Вспомним его рассказ о курочке, которая в день несла по два яичка для его голодных в Сибири детишек. Или о юродивом Федоре, у которого выпадала прямая кишка на 3—5 аршин. «Болеет, а кишки перемеряет» (с. 45).) Афанасий Пашков вошел в историю как основатель Иркутского, Нерчинского и Албазинского острогов.

Вспомним, как первый коренной сибирский историк П. А. Словцов характеризует воеводу: «В это время (1652 г.) воеводствовал в Енисейске незабвенный Пашков, которому, именем истории, мы засвидетельствовали вечную память». Его конец был драматичен: он вызван в Москву за неудачи, постигшие его по доверчивости.

Сибирский историк сожалеет ему: «Но ты ли виноват, верный слуга Государя и государства? За твое имя стоит история». В другом месте у Словцова Пашков снова «ревностный и твердый духом — при всех неблагоприятных обстоятельствах, как образец правителей, не для одного первого периода» (Словцов П. А. Историческое обозрение Сибири. Новосибирск, 1995. С. 119—120, 126—127).

Дипломнику надо было бы, думаем, заглянуть и в «истории Сибири» первых историков ее, академиков Миллера и Фишера.

Автор не проявил интереса, к сожалению, и к такой персоналии жития, как воевода Нижегородский, Свияжский и Казанский (последовательно) — Шереметев Василий Петрович (†1659). Это был удачливый полководец в войне с Литвой (1654—1655), близкий царю Алексею Михайловичу боярин.

1. В апреле 1653 г. в Вербное воскресенье он следовал за государем в «шествии на осяти» Никона, причем царь сам вел под уздцы осла.

2. Последний его приезд ко двору 3 апреля 1659 г. в Светлый праздник, когда он сидел за царским столом в Золотой палате, на втором месте после Б. И. Морозова (с. 162).

После ознакомления читателя с этим вельможей мы можем оценить смелость, даже дерзость неистового протопопа, отказавшего в благословении «бритому сыну» воеводы за его «блудолюбивое» лицо.

Перелистаем снова житие и глянем на него глазами историка Отечества.

Уже на с. 2 мы узнаем, что в 1654 г. в Петров пост было солнечное затмение. Через две недели опять «солнце померкло, и луна опять от запада шла». Дипломнику надо было бы заглянуть в астрономическую летопись, как это делали почтенные историки В. В. Болотов и Н. Н. Глубоковский. В 1654 г., как пишет Аввакум, был мор, и опять надо было сверить это с историко-медицинскими каталогами.

На с. 21: Пашков хотел выдать замуж престарелых вдов (одной было 60 лет, а другой — больше). Это можно было бы принять за

самодурство воеводы. Но можно объяснить просто: в Сибири катастрофически не хватало женщин.

К истории быта можно отнести информацию протопопа о сибирском обычае — греться в печи. Он рассказывает, как он лежал на печи, а протопопица — в печи.

Или — «о скобах с шипами», надеваемых на обувь для бега и хождения по голому льду.

Интересны воспоминания его о рыбных богатствах «Байкал-моря» (с. 35): «Рыбы в нем — осетры и лососи, стерляди и омули и сиги и прочих родов много. Вода пресная, а нерпы и тюлени великие в ней: в океане-море большом, живя на Мезени, таких не видел. А рыба весьма густа тут; осетры и лососи жирные очень — нельзя жарить на сковороде: один жир будет».

При таком-то богатстве в голодное время в Даурской экспедиции «кашку сосновую ели» (с. 28).

Между прочим, дипломник не исчерпал и лингвистический источник жития. Может быть, его смутила ненормативная лексика XVII в.

На наш взгляд, продуктивнее был бы метод выбора между выводами исследователя А. К. Бороздина, который не считал житие историческим сочинением, а только «поучительно-полемическим», и историка В. К. Никольского: «Житие оказывается первостепенным историческим источником».

Вернее, автор сделал вывод и определился в положительную сторону, но он не полемизирует с Бороздиным. Вот чего не хватает ему!

И все-таки проба пера состоялась! Будем ждать продолжения исследования. Автор, нам кажется, захвачен проблемой раскола, для него это «проклятый вопрос» русской истории.

21. ОТЗЫВ доцента В. Д. ЮДИНА на дипломную работу выпускника Московской духовной семинарии Димитрия КАУШАНСКОГО на тему: «Неудачные опыты защиты докторской диссертации историка Н. Ф. Каптерева»

Как-то профессор А. П. Лебедев заметил, что история Академии написана кровью. Он имел в виду драматические судьбы профессоров, пострадавших во времена Николая I и Александра III. Вспомним небольшую участь Н. П. Гилярова-Платонова (1824—1887), о. Феодора Бухарева (1822—1871), профессора Ф. Терновского (1838—1884), академика Е. Е. Голубинского (1834—1912) и других.

Молодой, одаренный профессор Гиляров уже в начале своей педагогической деятельности обратил внимание начальства МДА на себя своей строптивостью и «малопонятливостью». Голубинский (Воспоминания. С. 181) рассказывает, что один выпускник «подал сочинение никуда не годное. Профессор, прочитав его, послал за Игнатием (так звали иеромонаха-выпускника) с целью указать ему, что и как исправить. Игнатий не пришел. Послал во второй раз, тоже не пришел, в третий — тоже не пришел. Тогда Гиляров пошел к ректору с донесением о сочинении и с жалобой на Игнатия. Ректор отвечал ему: «Как ты там хочешь, а чтобы сочинение было хорошее». И Гиляров должен был написать сочинение». Почему? Потому, что монах был внуком митрополита Филарета (Московского), будущим архиепископом Костромским.

Но это только начало горемычной судьбы талантливого человека.

Причиной увольнения послужил такой повод. Голубинский вспоминает: «Жил тогда в Академии иеродьякон Анфим, впоследствии экзарх Болгарский. Он наговорил А. Н. Муравьеву, что Гиляров очень вольно читает свой главный предмет (на старшем курсе герменевтику).

Муравьев передал об этом митрополиту Филарету, и митрополит попросил Гилярова оставить службу в Академии. Говорили тогда, что славянофилы, к кружку которых он принадлежал, хотели было доставить место домашнего наставника при детях какого-то Великого князя, но Филарет отказал ему в своей рекомендации, которая требовалась».

Так и умер человек выдающихся способностей в меблированных номерах дешевой гостиницы.

Судьба профессора Н. Ф. Каптерева тоже входит в список не легких судеб наших ученых. Нам кажется, что он выжил, выстоял и

победил в схватке с консерваторами-приспособленцами потому, что дожил до благословенного дня, 17 апреля 1905 г., когда, на Святую Пасху, был объявлен Царский манифест «Об укреплении начал веротерпимости» и он смог открыто защищать свои взгляды и напечатать свой классический труд «Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович» в условиях цензуры.

Неудивительно, что личность профессора заинтересовала молодого человека. Тем более что дипломник — не новичок в старообрядческо-никоновской проблематике. Он отлично знает предмет споров Каптерева — Субботина.

Он не может принять сторону профессора Субботина, чья позиция четко выражена в работе с красноречивым названием «Раскол как орудие враждебных России партий» (1867).

На с. 26 автор пишет: «Принимая во внимание подобный взгляд на раскол, невольно напрашивается мысль о том, кем же все-таки был больше Н. И. Субботин: ученым и историком или общественным деятелем и политиком, всецело уповающим на силу полицейского аппарата?»

В традиционалисте Субботине, по мнению дипломника, боролись два начала: ученый и миссионер. Последний победил в нем ученого, и с этим связана та крайняя его нетерпимость к чужому мнению, неуместное и недолжное выражение которой легло темным пятном на его репутацию ученого (с. 26). Автор показывает историческую обреченность обскуранта: «Судьба преподнесла ему жестокий урок, сделав в конце дней свидетелем объявления столь долго оспариваемой им религиозной свободы старообрядцев и восстановления богослужений на Рогожском кладбище (с. 26).

План диплома — органически-последовательный и пропорциональный: содержит введение с обработкой источников и литературы, основную содержательную часть и заключение.

Интересна вторая глава с персоналиями Н. И. Субботина и Н. Ф. Каптерева. Третья глава посвящена непосредственно теме диплома.

Одним словом, автор своей небольшой, но содержательной ра-

ботой, исполненной на замечательном научно-литературном языке, сделал заявку на солидный кандидатский труд.

Тем не менее надо отметить некоторые замечания и поставить вопросы.

С. 14: Можно ли период 1884—1889 гг. назвать Пореформенной эпохой Академии?

С. 14—15: Почему в дополнениях к Уставу 1884 г. — в «Правилах для рассмотрения сочинений...» (1889) не сказано о запрещении выбирать в качестве докторских диссертаций темы о ересь и ересиархах?

С. 15: Можно ли именно в старообрядчестве видеть главную опасность для Церкви, как видел Победоносцев в конце XIX в.?

С. 16—17: Можно ли так безоговорочно говорить, будто при Александре II положение старообрядцев сохранилось, как и при Николае?

С. 20: Нет ли в выражении Н. Н. Глубоковского, которое повторяет дипломник, противоречия: «Филиппов — рьяный грекофил и раскольнический апологет»?

С. 30: Дипломник в поисках причины смещения с ректуры прот. С. К. Смирнова гадает, не зять ли его профессор Каптерев — причиной тому. На наш взгляд, мотив прост: Устав 1884 г. обязал ректорам быть епископами.

К сожалению, автор не сказал ничего о причинах ухода Н. Ф. Каптерева в 1906 г. из МДА.

И, наконец, автор почему-то пренебрег «Воспоминаниями» Голубинского, который дает яркие характеристики и Субботину, и Гилярову-Платонову, и митрополиту Филарету, который создал особый микроклимат в МДА.

22. ОТЗЫВ заслуженного профессора архимандрита МАТФЕЯ (Мормыля) на дипломную работу выпускника Московской духовной семинарии Максима ХАНОВА по кафедре Церковно-практических дисциплин на тему: «Первоначальный богослужебный устав на Руси»

Рецензируемое сочинение учащегося 5 курса Московской духовной семинарии Ханова Максима на тему «Первоначальный богослужебный устав на Руси» представлено на 73 страницах машинописи и состоит из введения (с. 3—11), четырех глав основной части (с. 12—21, 22—30, 31—53, 54—63), заключения (с. 64—66), списка библиографии и приложения.

Введение посвящено литературе предмета, раскрытию актуальности, важности и значимости избранной темы. Автор подчеркивает, что любовь, уважение и благоговение к богослужебной традиции РПЦ явились главным побуждением к написанию предлагаемой работы (с. 3). Кроме того, здесь он указывает на исторический метод своего исследования. Знание истории Типикона открывает не только процесс образования кодекса уставных предписаний, но и показывает то, что существует в Церкви с глубокой древности, а что отличается новизной, случайностью и вносит беспорядок и нарушает благообразие, а следовательно подлежит исправлению или даже совершенному уничтожению.

В первой главе представлены версии взглядов ученых литургистов и историков на первоначальный устав Русской Православной Церкви. Особое внимание уделено исследованиям старой школы во главе с А. А. Дмитриевым и представителям новой школы, литургистам второй половины XX века, в частности профессору нашей Академии А. М. Пентковскому. С интересом читается материал, излагающий воззрения по данному вопросу Е. Е. Голубинского и митрополита Макария (Булгакова), которые в своих трудах много внимания уделяли литургической тематике.

Во второй главе предлагаются характеристика и особенности византийских уставов а) Устава Великой Церкви (УВЦ) и б) Студийского Устава, которые в свое время оказали особое влияние на становление нашей русской богослужебной традиции.

Третья глава говорит об отечественном богослужебном Уставе в его историческом развитии. При рассмотрении данного вопроса автор отталкивается от деятельности святых равноапостольных Кирилла и Мефодия и их учеников по переводу комплекса богослу-

жебных книг на славянский язык, состав коих дает возможность усмотреть следы устава того времени (Студийского Устава болгарской версии). Здесь же он дает в исторической перспективе описание богослужебной традиции до Крещения Руси, указывает на заимствование нами из Охридской Церкви богослужебного Устава, который получил на Руси широкое распространение (с. 42). Состояние богослужения после Крещения Руси при святом Владимире и его сыне Ярославе Мудром автор данной работы обуславливает влиянием Константинополя и Охридской епархии (в Болгарском царстве), в зависимости от престижа иерархии соответствующих Церквей.

В четвертой главе автор указывает на сосуществование на Руси нескольких Уставов. С приходом греков началось введение придворного Устава Великой Церкви, имевшего локальное распространение, по-видимому, в главнейших кафедральных соборах Руси: в киевской Софии, в новгородской Софии и Полоцкой и в других. Наряду с Уставом Великой Церкви продолжал действовать Студийский Устав. Преподобный же Феодосий в Киево-Печерской лавре ввел Студийский Устав в редакции патриарха Алексия.

В заключении приводится итог проделанной работы. Делаются соответствующие выводы.

Библиография представлена 47 наименованиями.

В приложении помещен фрагмент из летописи о мученической смерти святого князя Бориса.

В общем, дипломное сочинение Ханова Максима представляет собой интересную и серьезную работу. Написано оно на высоком уровне. Язык вполне литературный. Читается легко. Грамматических ошибок почти нет. Своим содержанием оно обстоятельно раскрывает взятую тему и заслуживает отличной оценки.

23. ОТЗЫВ профессора В. М. КИРИЛЛИНА на дипломную работу выпускника Московской духовной семинарии Андрея САВРИЦКОГО по кафедре Филологии на тему: «История празднования памяти преподобного Сергия Радонежского по рукописным уставам Троице-Сергиева монастыря XV—XVII веков»

Дипломное сочинение Андрея Саврицкого представляет собой комплексный — причем вполне самостоятельный — анализ истории почитания преподобного Сергия Радонежского в стенах Троице-Сергиева монастыря с XV по XVII вв. В качестве исходного материала автор использует, во-первых, рукописи «Уставов» и «Обиходников» соответствующего времени из библиотеки Троице-Сергиевой лавры (в количестве 16), хранящиеся ныне в Российской Государственной библиотеке, Государственном Историческом музее и Библиотеке Российской Академии наук; во-вторых, исследовательскую литературу по археографии, истории архитектурного ансамбля монастыря, литургике и древнерусской истории (всего 26 наименований). Автор впервые в отечественной научной мысли на основе текстологического изучения рукописных источников и размышления по поводу выявленных фактов стремится показать, как вместе с изменением облика монастыря на протяжении трех столетий постепенно менялось и богослужбное почитание его великого основателя. В сочинении убедительно вскрыта динамика постепенного нарастания литургических особенностей празднования памяти преподобного Сергия Радонежского в дни его преставления — 25 сентября, обретения его святых мощей — 5 июля и перенесения последних из деревянной раки в серебряную — 14 августа. Вместе с тем автор показывает взаимодействие текстов богослужбных последований, посвященных воспоминанию о подвижнике, и их связь с жизнью русского общества вне монастыря, с исторической мыслью русских книжников и с особенностями царских церемониалов.

В общем, работа — как вновь открывающая забытые страницы богослужбных традиций в Троице-Сергиевом монастыре — представляется, несмотря на отличающий ее описательный характер, интересной и полезной. Она и содержательна, и по объему вполне соответствует требованиям по отношению к дипломным сочинениям. Кроме того, она снабжена — в приложении — богатыми иллюстративными материалами в виде снимков с использованных автором рукописей. Несомненно, труд Андрея Саврицкого заслуживает высокой оценки. Одна лишь деталь не может быть при-

нята. На титульном листе работа обозначена как написанная по предмету «Церковнославянский язык». Это, конечно, не так, ибо по решаемым в ней задачам она, несомненно, относится к предмету «Литургика». Думается, данное упущение — и именно научного руководителя — легко устранить.

24. ОТЗЫВ профессора протоиерея Владислава ЦЫПИНА на дипломную работу выпускника сектора заочного обучения Московской духовной академии протоиерея Владимира МУХИНА по кафедре Церковной истории на тему: «История закрытия храмов и монастырей г. Казани в 20-е, 30-е годы XX столетия»

Дипломная работа протоиерея Владимира Мухина объемом 274 страницы состоит из введения, 3-х глав — «Закрытие соборов», «Закрытие приходских храмов», «Закрытие монастырей» — и заключения. В работу включено 6 приложений, включающих тексты документов и иллюстративный материал. Список источников и литературы по теме включает 25 названий.

Работа, представленная к защите, носит вполне оригинальный и исследовательский характер; посвящена теме, в исторической литературе не разработанной, и основана на материалах архивных фондов. В ней содержится обильный фактологический материал, который дает верное представление о церковной жизни эпохи. В работе вскрыты механизм принятия решений о закрытии церквей советскими и партийными органами, техника исполнения этих решений, и что особенно важно, показано также исповедническое сопротивление верующего народа закрытию храмов, которое сломлено было окончательно лишь на исходе 1930-х гг., в обстановке массового террора.

Особая ценность работы протоиерея Владимира Мухина заключается в том, что содержащийся в ней материал актуален, полезен ныне в практическом отношении, при решении юридических и административных вопросов, связанных с возвращением храмов Русской Православной Церкви.

По своему уровню рецензируемый труд далеко превосходит требования, предъявляемые к дипломной работе, и мог бы быть представлен к защите в качестве кандидатской диссертации. Во всяком случае, он заслуживает отличной оценки.

25. ОТЗЫВ профессора протоиерея Владислава ЦЫПИНА на дипломную работу выпускника Московской духовной семинарии священника Сергея ЗВОНАРЕВА на тему: «Органы высшей церковной власти и управления Русской Православной Церкви в период с 1945 по 2000 год»

Дипломная работа священника Сергея Звонарева, объемом 82 страницы, состоит из введения, трех глав, разделенных на параграфы: «Органы высшей церковной власти и управления Русской Православной Церкви по “Положению об управлении Русской Православной Церкви 1945 года”», «Органы высшей церковной власти и управления по “Уставу об управлении Русской Православной Церкви 1988 года”» и «Органы высшей церковной власти и управления Русской Православной Церкви по “Уставу Русской Православной Церкви 2000 года”», — и заключения. Библиография включает три раздела: перечень архивных материалов (3 наименования), список основных источников (3 наименования) и использованной литературы (38 книг и статей).

В своей работе автор подробно излагает основные положения уставных актов 1945, 1988 и 2000 гг., касающиеся высших органов церковной власти и управления: состава, статуса, полномочий Поместного и Архиерейского Соборов, Святейшего Патриарха и Священного Синода; изложение уставных положений объективное, корректное, емкое и четкое. Сопоставляя положения уставов, он обнаруживает способность к каноническому и юридическому анализу, выявляя содержание расхождений и до известной степени объясняя причину включения новаций в новые уставные документы, которые заменяли предыдущие акты. В заключительной части работы автор делает ряд крити-

ческих замечаний относительно юридической структуры «Устава Русской Православной Церкви», принятого Архиерейским Собором 2000 г. В частности, он отмечает то обстоятельство, что усваиваемая в преамбуле «Устава» Поместному Собору высшая церковная власть не находит адекватного отражения в тех полномочиях, которыми он наделен в соответствующей главе «Устава», затем он обращает внимание на то, что Священный Синод в «Уставе» декларативно не наделен законодательной и судебной властью, хотя рядом положений «Устава» он такими полномочиями в действительности наделен.

Таким образом, автор рецензируемой работы обнаружил несомненную способность к исследованиям в области канонического права, и его труд заслуживает отличной оценки.

26. ОТЗЫВ преподавателя иеромонаха ТИХОНА (Зимины) на дипломную работу выпускника Московской духовной семинарии Владимира КОРЕНЕВИЧА по кафедре Филологии на тему: «Перевод седьмой книги Моралий на Иова (Moralia in Iob) святителя Григория Двоеслова, папы Римского»

Данная работа является плодом многолетнего труда по изучению латинского языка и доведению полученных знаний до навыка понимания сложного по форме и содержанию текста и передачи его средствами русского литературного языка.

Как известно, свт. Григорий Двоеслов не самый легкий автор. Его экзегетическая мысль причудлива и часто весьма неожиданна. В связи с этим перевод даже самого малого фрагмента текста связан с необходимостью «вжиться» в систему образов и ассоциаций автора. Как кажется, Владимиру удалась эта главная задача. Текст в своем подавляющем большинстве понят правильно и предложен читателю в удобочитаемой форме.

Кроме этого, перевод снабжен вступлением, где проанализировано переводимое сочинение, определено его место в корпусе сочинений автора. По ходу перевода в сносках, хотя и очень редко, даются параллельные места, схожие мысли святых отцов, которые

могли либо повлиять на автора переводимого текста, либо испытать его влияние.

Конечно же, в работе имеются недостатки, впрочем, вполне простительные из-за высокой сложности переводимого текста. Встречаются стилистические погрешности, например: «возвещает человеческого рода голосом» (с. 16), «закон ... смерть внес» (с. 21), и др. Найдена всего одна значительная ошибка: «...Тот, Кого покинул внутренний человек, восприняв плоть, явился во вне как Бог...» следует исправить на «... Тот, Кого человек покинул внутренне, восприняв плоть, явился во вне как Бог» (с. 16). Здесь наречие *intus* ошибочно было отнесено к существительному, хотя со школьной скамьи мы учим, что наречие обозначает признак действия. Следует отметить, что достойные внимания недостатки концентрируются лишь в начале текста, что вполне объяснимо. В работе также присутствуют пунктуационные ошибки.

Отмеченные недостатки все же не снижают серьезности и основательности проделанной работы. Считаю данную дипломную работу достойной отличной оценки.

27. ОТЗЫВ преподавателя иеромонаха ДИОНИСИЯ (Шленова) на дипломную работу выпускника Московской духовной семинарии Михаила ТИХОНОВА по кафедре Филологии на тему: «Перевод трактата “Об Иакове и блаженной жизни” свт. Амвросия Медиоланского»

В дипломной работе М. Тихонова предлагается перевод трактата «Об Иакове и блаженной жизни» свт. Амвросия, епископа Медиоланского. Данный трактат относится к аскетико-экзегетическим сочинениям свт. Амвросия. Подробный библиографический указатель всех сочинений латинской патристики, готовящийся для «Библиографического справочника-указателя русских святоотеческих переводов», в котором принимал участие и Тихонов М., позволит лучше представить имеющиеся лакуны в творчестве медиоланского святителя и наметить пути их преодоления. Так что данная

работа является одним из первых шагов в данном направлении и весьма актуальна.

Работа делится на две части: вступительную и основную. «Во вступительной части, — как пишет автор, — после изложения краткого жития свт. Амвросия он характеризуется как писатель, экзегет и автор данного сочинения. В частности здесь дается ответ на вопрос, каковы предпосылки этических воззрений свт. Амвросия, содержащиеся в этом произведении». В основной части содержится русский перевод трактата. Общий объем перевода — 109 641 знак, т. е. почти 3 авторских листа!

Историографический обзор исследований и степень изученности вопроса в современной богословской науке автором не затрагиваются, поскольку основной акцент, как и требовалось, был сделан на переводе.

Касательно методологии. При переводе Тихонов М. пытается как можно более точно передать текст, не впадая ни в буквализм, ни в вольный пересказ. Перевод выполнен по латинской патрологии Миня (PL 14, 597—638). Переводчик, следуя сложившейся традиции, в сложных случаях помещает в круглых скобках латинские слова или фразы.

Оценивая работу, можно сказать, что автор весьма успешно справился с поставленными задачами. У него есть несомненный вкус как к переводу с латинского языка, так и к научному исследованию. При этом он особо вдохновлен возможностью творческого изучения наследия свт. Амвросия Медиоланского. Работа написана хорошим литературным языком, в ней много творческих находок и ответственных авторских решений.

Вместе с тем можно сделать отдельные замечания.

Любое положение, подразумевающее тот или иной источник, должно подкрепляться ссылкой или на первоисточник или, в крайнем случае, на вторичную литературу. Автор стремится к этому, но иногда не делает никаких ссылок (где сказано, что по мысли Святителя «философы лучшее в своем учении почерпнули у Моисея»? См. с. 9, et passim).

Перейдем сразу от обзорной вступительной статьи к переводу.

1. Стилистические погрешности.

Вместо «давления ... страстей» лучше сказать «гнет страстей» (с. 17).

Также несовершенно высказывания: «разум отводит чувство» (с. 18), «против отеческих обычаев» (с. 18), «устремимся старанием» (с. 19), «по причине блага своего возвещения» (с. 21) и др.

Переводчик иногда слишком дословно следует оригинальному тексту и впадает в буквализм. Например, вместо «легкий на гнев» лучше сказать «[человек], легкий на грех» (с. 15). Также нуждается в расшифровке выражение «царствует под Господом» (с. 21).

Или, наоборот, отступает от текста без крайней необходимости, когда, например, переводит: «если не имеет Христа в качестве руководства» (*nisi habeat gubernacula Christi*) (с. 23).

2. Грамматические погрешности («не чему другому», с. 19) практически отсутствуют.

3. Орфографические и пунктуационные погрешности.

На с. 17 не поставлены два пробела перед тире. В греч. слове не поставлено ударение, конечно, отнюдь не из нелюбви к греческому языку (с. 18). Особые авторские выделения курсивом не всегда удачны (с. 21), автор пытается курсивом помочь русскому переводу, что не совсем законно. Переводчик не всегда корректен, используя местоимения для священных имен («своей крови» он пишет с прописной буквы — с. 25).

4. Остановимся подробнее на смысловых неточностях:

Nemo tenetur ad culpam не «Никто не устремляется к вине», но «Никто не оказывается виноватым» (с. 19).

commissa не «деяния», а «проступки» (там же).

quod in alios derivemus — *quod* в данном случае не относительное местоимение, а причинный союз со всеми вытекающими последствиями (там же).

dum quod facio agnosco peccatum — не «из того...», а «то, что...» (с. 22).

Переводя *Infidelis enim mortem sibi quaerit ex gratia: manet autem mandati gratia* «Ведь неверный находит себе смерть даже из благодати, хотя благодать заповеди не страдает» переводчик не соблюдает терминологическое единство (слово *gratia* не является строгой антитезой «закону»), и в результате получается неясный перевод (с. 22). То, что *gratia* не может быть переведена как «благодать», явствует из того, что далее используется слово *bonus* «благой», чем в русском переводе создается ложное семейство однокоренных слов.

Перевод «да не оставит никто фронт благочестия», хоть и весьма храбр, несовершенно ни с точки зрения стилистики, ни по смыслу (с. 57).

5. При цитации Священного Писания отрывки из псалмов лучше было бы сохранить на славянском языке (см., напр., Пс. 1, 1, с. 34).

6. В будущем автор должен более внимательно учесть справочные аппараты современных изданий, а также воспользоваться современными компьютерными ресурсами для определения параллельных мест как из других сочинений свт. Амвросия, так и из сочинений иных авторов. Последнее позволит более глубоко представить особенности богословского метода Святителя. В частности, в трактате затрагивается такая важнейшая тема, как учение о естественном и безгрешном состоянии гнева, которое имеет яркие параллели у Оригена (в его «Толковании на Евангелие от Матфея», сохранившемся на латинском языке), Дидима Слепца, а ранее у Сенеки и пр. стоиков, о которых столь подробно говорилось во вступительной статье (так называемое учение о «предстрастии», см. мою статью о прп. Максиме Исповеднике в сб.: Диспут с Пирром / под редакцией Д. Поспелова. М., 2004). Мысль о благодати смертоносной заповеди, несомненно подчеркивающая теодицею, также постоянно встречается у отцов (с. 22).

В заключении должно отметить, что сделанные замечания не умаляют ценности исследования, которое может быть оценено высшей оценкой. Чего стоит исполненный глубокой патетики гимн в честь семи Маккавейских мучеников и их матери, коим завер-

шается замечательное сочинение свт. Амвросия, а вместе с ним и дипломная работа! «Можно было видеть мертвые тела, замученных по порядку, словно материал для струн, и слышать в триумфальных стонах звук семиструнной псалтири» (см. с. 57—58). После доработки дипломная работа Тихонова М. может быть рекомендована к публикации, в будущем ее можно издать отдельной монографией.

28. ОТЗЫВ доцента протоиерея Валентина АСМУСА на дипломную работу выпускника экстерната Московской духовной семинарии Максима БАХТИНА по кафедре Богословия на тему: «Богословское осмысление истории»

Работа представляет собой интересную попытку вместить в небольшой объем множество богословских и философских концепций истории от античности и Ветхого Завета до XIX века. Автор справедливо отмечает, что интерес к осмыслению истории значительно обостряется в кризисные, переломные годы. В наше судьбоносное время постижение истории должно помочь нам понять наше настоящее и задуматься о ближайшем будущем, освободившись от пути идеологического тоталитаризма нынешней «демократии», которая с помощью повторения нескольких несложных заклинаний («права человека», «гражданское общество», «открытость», «цивилизованный рынок», «мировое сообщество» и немногие другие) завораживают страны и народы, чтобы в безгласном и бездумном состоянии положить мир к ногам неонацистской диктатуры нового планетарха — США. Даже если мы не в силах ничего изменить, наша человеческая и христианская обязанность — понимать, не отречься от своего разума и совести, не вверять себя отцу лжи и человекоубийце искони.

Работа Бахтина М. удачна не только по замыслу, но и по исполнению. Все же хотелось бы высказать несколько критических замечаний. Понятно увлечение молодого автора хлесткими, «проphetическими», то есть, попросту говоря, вполне бездоказательными формулировками Бердяева. Но этот мыслитель меньше всех поможет постижению истории, — будучи историческим

нигилистом, он думал не о понимании истории, а об освобождении от нее.

При неизбежно конспективном изложении надо все же соблюдать должные пропорции. В работе о Платоне сказано заметно больше, чем об Аристотеле, хотя последний, в отличие от своего учителя, занимавшегося утопическим фантазерством, основывал свое теоретизирование на реальности, предлагавшейся тогдашним греческим миром, — на многообразнейших формах политического строя в маленьких государствах-городах.

Из всего богатства ветхозаветных доктрин упомянута только периодизация Даниила. Учитывая 2000-летнее влияние Ветхого Завета во всем христианском мире, этого маловато. Пожалуй, еще меньше учтено учение Нового Завета, весьма ясно и развернуто высказанное священными писателями.

Средние века, по недоброй традиции, почти замолчаны. А ведь для изучающих христианскую историософию и государственную теорию особенно важны века высшего цветения христианства. У нашего же автора от Августина и Дамаскина делается непосредственный переход к Ренессансу.

В историко-философской дихотомии на с. 61 с изумлением узнаем, что Шпенглер «придерживался христианской основы», а вот Лютер «порвал с традиционным христианством» наряду с Вольтером и Ницше.

Понятно преклонение автора перед славянофилами. Но не нужно оправдывать их слабости, как, например, призыв перевести содержание христианской веры на язык современной (гегелианской и шеллингианской) философии.

На с. 89 с удивлением находим в числе антихристианских сект — гомеопатию!

На с. 91, цитируя Болотова, пишущего о I Ватиканском соборе, автор по ходу дела превращает этот собор, бывший в 1870 г., в «энциклику 1879 г.». Единственная энциклика этого последнего года (*Aeterni Patris*) была посвящена школьному преподаванию философии Аквината.

ОТДЕЛ V

Библиография включает 245 позиций, но боюсь, что не все эти труды одинаково тщательно изучены автором. В целом можно пожелать автору меньше стремиться к широчайшим и неизбежно поверхностным обобщениям и больше заниматься терпеливым, скрупулезным анализом конкретных явлений. Описание современной российской ситуации показывает, что автор на это способен.

В целом работа оценивается как отличная.